

СМЕНА № 6

ИЮНЬ
1934

Изд-во ЦК ВКП /6/ „ПРАВДА“

МАКСИМ ГОРЬКИЙ
портрет худ. П. Корица.

НАЙТИ В ЯВЛЕНИИ ГЛАВНОЕ

Рис. В. Шишкин

В Рыбинско открылась 4 августа животноводческая выставка.

Изображение претендует на точную, документально передачу факта. На самом же деле без помощи трудно представить себе изображаемое как действительный факт. И потому, что никакие живописные детали не подтверждают самого сюжета (за исключением надписи с названиями животных) и потому, что самое изображение ищет весьма условной приближенности, рисунок встраивает между белым наброском с натуры здесь же, на самой выставке, и тщательно проработанным рисунком с детально характеризованным действием.

Все в этом рисунке слишком «художественно» приближенно.

Мне представляется, что залоча у художника одно—точно, я бы сказал, дотошно точно, передать факт, случай, событие, а может быть, и чувство и ощущение, которые он наблюдал или переживал.

Для этого, конечно, нужен некоторый изобразительный опыт. Для того чтобы его приобрести, нужно прежде всего обогатиться карандашом и кистью и каждый день рисовать. Рисовать с натуры, иногда по памяти и никогда, никогда не срисовывать с открыток, картинок, фотографий и пр. Точно срисованные подобно списыванию письма с письмом. Рисовать надо все, что поражает художника: пейзажи, людей, комнаты, животных, отдельные предметы, портреты, группы людей и пр. Принцип главной задачей в этом рисовании должно быть следующее: точно, без особой детализации, а в общих чертах передать характер и пропорции изображаемого. Стараться не рассредотачивать на части или отдельные детали, а найти главное в явлении, его подчеркнуть и связать с ним окружающее.

Полезно по наброску с натуры (или по нескольким наброскам) проработать советом более сложное, более законченное изображение. В таком случае целесообразно работать не только карандашом, но и тушью—пером или кистью.

Карикатуры следовало бы тоже рисовать с натуры, т. е. с окружающим, уже знакомым художнику людей и предметов, стараясь малым количеством изобразительных средств передать всю сущность явления.

Кроме того следует помнить, что тот, кто хочет стать настоящим художником, должен-budget-рисовать каждый день, пройти профессиональную школу, пройти длительную учебу у мастеров-художников.

Для чего вы доску черной краской выкрасили? Новый сторож.— А чтобы помнил про черную доску для молчаливо новорожденных не прозвали бы на коровнике.

Несомненно, что автор обладает некоторым опытом. Однако рисунок не лишен поверхностности.

Рисунок стоит на грани между карикатурой, смешной и острой, и серьезным (т. е. некаркастным) рисунком. Поэтому он смешлив и несерьезен. Автору следует учиться, серьезно работая над пластической стороной изображения.

Рис. В. Виноградова

Колхозники на лесозаготовке.

В бороновский сельсовет приехал кооперативный обоз с культтоварами.

Несомненно, что автор обладает хорошей наблюдательностью. Эту сторону следует в себе развивать и дальше. Рисунки слабы главным образом

в конструкции предметов. Нет явения и ясности представления о пропорциях отдельных частей предметов. Отсюда же очень неясное представление

не об их трехмерной форме. Сильно хромает масштаб как в предметах, так и в пространстве.

Все рисунки принадлежат художникам «Крестьянской газет»

СОДЕРЖАНИЕ

РАСКАЗЫ И ОЧЕРКИ

В. Борохостов.—Чистота	4
М. Гольдберг, С. Караманенко.—Где же герой?	6
Нив. Атаров.—Трагедия расточительности	9
Евг. Симонов.—Роль меняет квартиру	12
А. Кронгауз.—Потерянные песни	16
А. Адашев.—Растущий поэт	20
Н. Ивниатов.—Атестат физикургической зрелости	22

РАСКАЗЫ О ПОДИГАХ

С. Лям.—Михаил Водяников	18
--------------------------	----

СТИХИ

В. Лебедев.—Пляшарад	19
Ивант Пачичев.—Гавина	20
А. Шварц.—Поход	23

СТРАНИЦА ХУДОЖНИКА

А. Гончаров.—Найти и явения главное	2
НОВАЯ КАРТИНА ХУДОЖНИКА Ф. В. АНТОНОВА.	
Л. Парнаский.—Художник Федор Антонов	3

Гр. Рус.—В лаборатории творчества

Гр. Рус.—В лаборатории творчества	10
-----------------------------------	----

ЛАБОРАТОРИЯ ТВОРЧЕСТВА

Н. Бабель.—Работа над рассказом	14
---------------------------------	----

ВЫХОДА КОНСУЛЬТАЦИИ

«Спрячь деньги—в алпачу»	21
--------------------------	----

РИСУНКИ

В. Виноградова, Л. Софринская, Гр. Рус, А. Малгина, В. Козоватова.	
--	--

ФОТО

А. Левитана, В. Иванченко и Совафота	3
--------------------------------------	---

«ДОЯРКА»

НОВАЯ КАРТИНА ХУДОЖНИКА Ф. В. АНТОНОВА

П. ВАРШАВСКИЙ

ХУДОЖНИК ФЕДОР АНТОНОВ

В мае этого года на общественном просмотре выставлен советского искусства, отправившей в Филадельфию, исключительным вниманием пользовались картины Ф. В. Антонова «Доярка» и «Материнство». Эти два жаровных портрета привлекли своей глубокой значимостью и искренностью.

Его не помнит большого полотна Антонова «Любовь», картины, именной великие заслужившей успех на выставке ринтаидеятели советского искусства в прошлом году. (См. «Смена» № 11 за 1933 г.).

Ваша эту сложнейшую тему, трудность трактовки которой в изобразительно-логическом плане, художник развил не необычайно чутко и глубоко. Оно встречаться в полотнах на эту тему. Но этим определяется творческое отношение художника и не только в своем персонаже, которых он старается показать наиболее реально, но и в самой жизни.

Антонов—художник действительных успехов. Он пишет так же широко, декоративно, несколько плавно, как его учитель, Дебна. Так же лаконичен и четок в живописи рисунка. Его типично определен — это молодость. Вложите на что наиболее известные произведения: «Выходной день», «Футбол», картины, посвященные освоению Чкалова, многоцветные плакаты, — и вы сразу обратите внимание на то, что самую старшую из его работ, едва ли тридцать лет.

Творческий путь Антонова шел шаг за шагом. К реализму он подошел не сразу, пройдя этап формалистических поисков, отвлеченных в тушке, как и многие формалисты, совершенно отрицательные моменты.

Его было десять лет назад, 19-летнем юношей, работая в живописной мастерской Антонова. Антонов мечтал о том, как бы совмещенно работать с женщиной. «Женщина живописца», уход от живописи в производственно связи женщины. Для некоторых живописцев-женщин, Антонов берет живописи и переводит их в текстильный факультет. Но в итоге, он обнаруживает свою талантливость

Его рисунок и тканям выливают в нем женщины, декоратора-орнаменталиста. Первая премия на международной выставке текстильного искусства 1927 г. и Италия принадлежит Антонову. Работа на текстильных и обоях фабриках, художник увлекается прикладным искусством. Конечно, что Антонов беспорочно отдал себя этому искусству.

Но гигантское строительство, перекроившее всю карту страны социализма, новый человек, новый быт вызывают в молодом художнике новые настроения. Антонов вливает переломом своего творческого пути. Он возвращается к живописи, но уже с новой силой, новыми мыслями, новой тематикой и стремлением к подлинному реализму. Его повидна и солдатам еще более определенно к Русю, по которому пойдет его творчество.

Монументальность по преимуществу, Антонов вступает в ту группу живописцев, которые заняты оформлением новых строений. Вместе с Дебна и другими он создает огромные полотна-панно для фабрик-заводов, здания Наркомзема и др. Здесь находит он широчайший простор для своего замысла, собирая материал, создавая большое количество карандашных эскизов, воплощая их в большую и стройную композицию.

Материя Антонова не замыкается четырех стенами его маленькой комнаты, своей мыслью он переносит в просторные залы фабрик-заводов, рабочие клубов, на широкие советские колхозные поля и площади новых, социалистических городов. Здесь он пишет свои полотна и лучшая часть, которая дала ему не только новые мотивы, но и новую манеру видеть и понимать.

Его метод формирует и самый стиль мастера, стиль которого — в простейшем и правдивом выражении рассказать о жизни молодой, доброй, дружелюбной. Для такого творческого мышления, как художника Антонова, с его пылкостью, стремлением к совершенствованию, серьезностью и глубиной наблюдений, это — только первый этап, на котором, несомненно, последует и путь по пути к всеобщему искусству живописи-мастера.

ЧИСТЮЛЯ

РАССКАЗ

У девушки тонкая шея.

Она пест ухуе, чтобы согнать с лица румянец и сделать его томным. Чистюля от болезненности. Если на платье посадит пятнышко, то трет его беззвонно, вытирает и кристаллаасером до тех пор, пока пятно не сойдет. Зависит как материал не протрется насквозь, — отчего пятно тоже пропадет, а на его месте образуется дырка.

На стройке ее так и прозвали Чистюлей.

И как в нашей жизни часто бывает, Чистюле нравился Ваня Стулпин, который был, по закону контрастов, полюсом, противоположным Чистюле. Он был груб и непоэтичен. Особенно грубым в трамвае. Он расталкивал толпу локтями просто из озорства. Если освобождался сиденье и Ваня видел, что это место намеревается кто-либо занять, он бросался как тигр на добычу и, оттолкнув претендента, усаживался с наглым видом.

Ваня он отрицал. Он говорил:

— Что я робкое, что-ли, который ходит под себя? Буду ласкаться в теплой водичке? Вот придет лето, пойду на Москва-реку. Там раздолье, а не тазик с мочалами.

Они оба работали на стройке.

Ваня, придя с работы, смывалась лицо, а шея оставалась грязной. Чистюля, которую официально звали Наташей Алексеевой, идя с Ваней в кино, говорила:

— Опять у тебя шея такая, что из пожарного рукава не смоешь.

— Опять? — удивляюще отвечал Ваня.

— Почему же не вымоешь?

— А зачем мыть, если завтра опять испачкаешь?

— Если ты этого боишься, то когда же ты ее вообще вымоешь? Когда окончится строительство? Да?

— Хотя бы... Тебе какое дело? — бурчал Ваня.

— Она еще учит меня жить!

Наташа вслащски старалась воздействовать на Ваню. Она грозила ему разрывом дипломатических сношений, ставила его при посторонних ребятах и девушках, смаялась на примеры тех парней, которые днем бывают такие же грязные, как и Ваня, но вечером их не узнают — совсем другие: чистые, приодетые, свеженькие.

Но на Ваню ничего не действовало.

Комната превратилась в хлев.

Он позаряднее ходил грязный, в зачехленном костюме с дырками, которые Наташа тщательно штопала даже против его желания.

Ища он в хорошей комнате, но зашла ее до того, что она превратилась в хлев. Кур, он пыхнул на пол. Об'еден со стола никогда не убирал. По комнате были разбросаны вещи. В углу валялись конки, зарывавшие от того, что Ваня, приходя с работы, на полу привычно их смывал и вытирал тряпкой. Там же валялись порванная износодная шапка и старые ботинки, покрывшиеся слоем пыли.

На полу — кучки бумаги, стружки карандаша, брошенные как поклае книги.

Ажла на кровати и читал книгу. Ваня как то для опыта подбросил окурок кверху, и тот прижал к потолку ладонным концом. Он вынул карандаш. Он повторил опыт — и потолок скоро стал лопытат от окурков и пыли, вставшей на них.

Каждый раз, приходя к Ване на квартиру, Наташа ужаслась, но он все-таки не исправлялся. Тогда она решила поадаваться в бюро чейна комсомола. Ваню вызвали.

— Стулпин, — сказала секретарь, — вот Алексеева пожаловалась на тебя, что ты грязно живешь.

— Это не для кого не секрет.

— Я знаю — ответила секретарь, — но ты же все-таки хорошо подкован, знаешь, что самое отсталое элемент крестьянства — двиюлчичны — и те сейчас стремятся к культуре. Они уже чистят зубы и моют с собой носовые платки, а ты, комму-мол-уэрич, работаешь на самой уэричной стройке з!... даже шея не моешь. В комнате у тебя — на ползине бывает щиде...

И еще долго секретарь разносила Ваню.

— Прошла неделя.

Ваня не исправлялся.

Чейна решила устроить показательный суд.

Суд был арестирован уюк, а вечером ребята собрались в клубе. Два члена суда, выбранные из ребят, далия дела. Преседательствовал секретарь чейна.

Он приказал ввести обвиняемого. Девчата начали хихикать.

Секретарь, войдя в роль пресдателя, сурово спросил:

— Гражданин Стулпин, знаете ли вы, каков нам пред'явлено обвинение?

Ваня опустил голову и еле слышно ответил:

— Да.

Секретарь встал и начал читать обвинительный акт.

Пальцы дались чужие, а до конца акта еще не добрался. Ребята начали смущать. Их разберало востерление услышать слово обвиняемого, а секретарь томил чтением обвинительного акта...

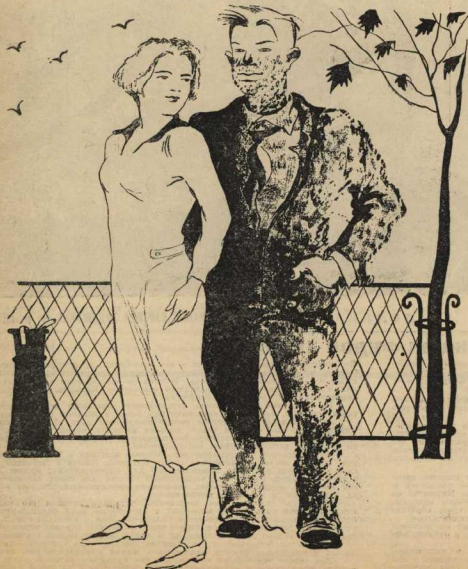
Сидевший среди публики вывозин приятель Алексина написал сердитую записку секретарю и пошел со уэричными комруэричней и послал записку к эстрале.

Путь от задней стены, где сидел Алексин, до эстрады был далекий, и много сини ребят нужно было потретьонить, чтобы продвинуть завязку вперед.

Соскучившиеся ребята были радим залиске. Они се разворачивали, читали и со смехом передавали дальше.

Бывайшей и Алексине была синя «Метательная пария, лежио смоненного в гаубой заучивности.

Он и сейчас, ткнувший в спину, испуганно встра-

Чистюле нравился Ваня Стулпин, который был, по закону контрастов, полюсом, противоположным Чистюле.

пису, но, не оборачиваясь, пошла, а чем дело, протянув правую руку назад, как в церкви принимают спешку, идущую по псалмам к образу, взяли записку, передала ее дальше и снова вшла в задумчивость.

В третьем ряду записка попала и Коляке.

Коляка хотел передать ее Лашки, но перед ним стоял еще раз Степа, с которого он был не в ладах из-за одной девушки. Поэтому он ткнул в бок сидящего рядом со Степой. Тот, получив записку отсюда-то сюда, решил, что ее и нужно продвигать в том же направлении.

Таким образом записка Лашки оттолкнулась от своего прямого пути и слетела заглаз, Теперь записка попала в руки верзилки Лободова.

Получив записку, Лободов повертел ее в руках, точно раздумывая, стоит ли ее передавать дальше или нет, а если стоит, то кому. Был даже момент, когда он достал карандаш и приладился что-то писать на записке, но потом раздумал, отложил записку назад, кому-то подмигнул, чему-то улыбнулся, и наконец, склонившись вперед, пощелкала запиской незаметно смеющую шего.

Эта шего, надо сказать, во время чтения общепитательного акта не один раз призывала его внимания. Он пощелкала ее как раз в том месте, где под вырезом узорчатой украинской кофточки ковылял загар и кожа делалась светлее.

Пощелкала, подождала, отшатнулась и произнес: — Эстафета. Адаюр—восемнадцатый.

Склонившись к своей шего, он сказал как можно тише:

— В собственные руки...

Но Лободов упустил из виду, что его бас иногда слышит и не случается своего выдалада. Голос как на грех непомято сфальшивил, забравшись октавы на три выше, и по клубу проносился лавинный рев:

— В собственные руки...

Все замолчало, а председатель поспешил перейти к вопросу самодетали.

Показательный суд окончился тем, что Ваньку присудили исправиться в течение пятидневия. Пятидневия пропала, а Ванька оставался тем же.

Тогда Наташа, посетовавшая с ребятами, решила на репрессивные меры.

Ваньку, между тем, командировали на два дня в подшефный колхоз.

Ванька возвращался из колхоза. Он шел по улице, известная невпомянутый мариш. Его мятый костюм свисал скорбными морщинами. Грязный воротничок сорочки принахал к шее.

Всколоченная шепселора трепалась по ветру.

Взяв ключ у швейцара, он открыл комнату и обомлел. Это случилось мгновенно. Потом Ванька выскочил на улицу и посмотрел: не ошибся ли он? Нет. Номер дома тот, улица та, и квартира та, а комната не его.

Ванька опять робко открыл дверь и в щель стал рассматривать комнату. Нет. Вещи как будто нет...

Он осторожно приоткрыл дверь и вошел.

Пол сиза, стены осясалила беленой.

Ванька снял ботинки у двери и на пальчиках прошел к кровати. Она была выкрята чистой простыней, поверх которой покоялось опрятное одеяло.

Ванька изумленно поводил глазами по стенам. Нет, комната его, но что случилось?

Поразмыслив, он понял, что тут без вмешательства Наташи и ребят не обошлось. Поскольку на дело суд не действовал, они решили...

От волнения Ванька закурил.

Не, закурил папиросу, он не знал, куда девать окурки.

Поразмыслив, он аккуратно положил окурки на подоконник и сплюнул уже не на пол, а в окно. На другой день, собравшись на работу, он нечаянно вынул шего.

Так вычлалась новая яра в его жизни.

Его белье начало чаще путешествовать к прачке.

На деньги, предназначенные для покупки велосипида, Ванька купил себе шикарный костюм. И этот костюм как и чистая комната нахолоком на него некоторою обязательства.

Костюм был необыкновенен: цвета какао с молоком, югда больше молока чем какао. Он был сшит из показательной материи, которую ему до-

стали на костюм прямо с фабрики, как образцы осясавшей продукции.

Костюм требовал внимания и забот. Ванька стал следить за чистотой комнаты, чтобы не вылачивать о вещи своего костюма. Ванька даже стелла со своего костюма муж, чтобы они не оставили следа на светлой материи.

Он прогуливал костюм как собачку.

На Ваньку обращал внимание прохожие, и потому ему приходилось следить за мельчайшим своим движением, ибо он был весь на виду у публики.

Делушки не спускался с Ваньки глаза, вернее не с Ваньки, а с костюма.

Чтобы не оскорбить костюма Ванька на виду у всех даже не плевался. Он входил в подворотню, сплевывала навстречу своему салому и шел дальше.

В этом костюме он уже себе не позволял грубить и ругаться в трамваях. Когда ему выстукивали на ходу, он говорил: «Извиняюсь!»—и отходил в сторону. В этом костюме он даже перестал ругаться: неудобно как-то.

Чтобы не запачкать подкаледи костюма, Ванька избегал потеть. Где было жарко, он туда не показывался. Часто менял сорочки и воротнички.

чтобы не загрязнить подкаледи, которая в свою очередь потом будет пачкать белье.

Наташа не узнавала Ваньку. Он стал веселым, чистым и не грубия в разговоре.

И даже больше.

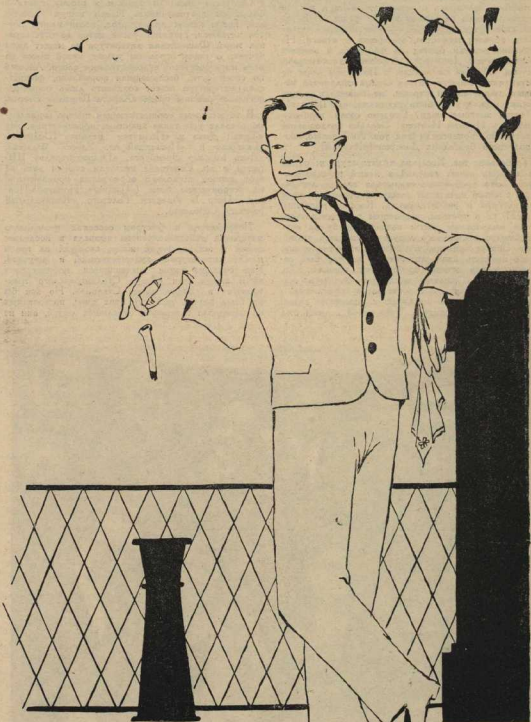
В этом костюме Ваньку принимали если не за иностранца, то, во всяком случае, за высококультурного, интеллигентного человека. И Ванька, чтобы не ударить лицом в грязь, начал читать научные и научно-популярные книжки. Стала разбираться во многих вопросах и умело поддерживать разговор.

И в конце концов костюм довел Ваньку до того, что он стал в трамваях уступать место женщинам.

Одним из сжал в автобусе с работы домой (на нем, конечно, выматанного костюма не было). Автобус был переполнен. И вот на одной остановке кондукторша не посадила женщину, сказала, что мест нет. Женщина куда-то торчалась и умоляла кондукторшу, но та была непреклонна. Тогда Ванька сказал кондукторше:

— Я сойду, а на мое место вы посадите эту женщину.

И он сошел, не дожидая до дому высшего оклада, несмотря на то что билет был вшит до конца.

Ваньку стали принимать за иностранца.

ГДЕ ЖЕ ГЕРОЙ?

Два с половиной года назад тов. Косарев сформулировал основные требования ленинского комсомола к литературе. Тов. Косарев потребовал от писателей и поэтов, чтобы они дали «тип героя социалистического строительства, который бы отразил стремление переломных боёв за социализм, описание которого заставило бы каждого молодого рабочего и крестьянина подумать: да, я хочу быть таким же, и хочу походить на него, он является моим идеалом». Литература должна помочь партии и комсомолу вооружить масс своим примером.

Это вооружение масс своей примера является испытанием большинством методом действия. Имя тов. Димитрова вдохновляет сотни и тысячи революционеров на борьбу против фашизма. В нашей стране тов. Димитров—любимый герой молодежи, образец мужества, выдержки и отваги. Не случайно десятки бригад на фабриках и заводах носят имя тов. Димитрова. А разве радиотелерамы тов. Шмидта со льдинами в Полярном море не заставляли учащегося биться сердца миллионов молодых людей нашей страны, не вызвали в них мысли: «Да, я хочу быть таким же, как Шмидт!» А наши знатные люди? Сколько сотен горняков училось у Никиты Изотова! Сколько колхозников с завистью проносили имя тов. Литвиненко, прославившего бригаду Днепровпрошвиль!

Требования тов. Косарева в литературе исходило из анализа новых явлений в нашей действительности. Это требование связывало задачи литературы с жизнью практической классовой борьбы—в этом её глубина и значительность. Косарев выступил в 1931 г. в третьем, решающем году пятилетия, когда миллионные массы начали борьбу за осуществление сталинского лозунга «Овладеет техникой». Вполне понятно, что герой, которого должна была показать наша литература, должен был соответствовать новым требованиям времени. Его, конечно, страстно желали миллионы,—овладеет техникой да успешного строительства социализма,—должно было быть выражено в поведении героя, в его мыслях и чувствах. Этот герой должен был

быть образцом ленинского стиля работы и сочетать русский революционный размах с американской действительностью. Именно такого героя ждала от писателей комсомолка.

Сейчас, накануне всеобщего писательского съезда, мы должны оглянуться на пройденный советской литературой путь и спросить: как осуществилось овладение и требования ленинского комсомола? Как создала литература образ положительного героя? Какие здесь удачи и неудачи? Ведь именно проблема типа, проблема положительного героя и является сейчас основной проблемой литературы!

Советские писатели пришли к своему съезду с большими достижениями. Книги наших писателей, песни наших поэтов читаются, ставятся, расходятся во всех странах мира. Фашистская литература не может даже мечтать о таком огромном успехе, какой имеет во всем мире советское художественное слово. Литература по своей сути, бесспорно формально, фашистская литература может создавать лишь поэматическое романное вроде «Хорста Весселя» Эмера.

В то же время торжествующая правда социализма создала уже такие значимые произведения, как «Тихий Дон» и «Поднятая целина» Шолохова, «Растрепан» и «Последний из Удде» Фадеева, «День второй» Эренбурга, «Гидроцентраль» Шагинин и др. Советские писатели сумели дать за этот период несколько образцов произведений на исторические темы («Дружина Новикова-Прибоя», «Петр I» Алексея Толстого, «Капитанский ремонт» Соболева).

Потребность в быстром освоении домашнего материала действительности вызвала в последнее время к жизни новый жанр, стоящий на грани между литературой художественной и научной. Уже созданы такие выдающиеся произведения этого жанра, как «Люди Сталинградского тракторного» и «Канал имени Сталина». Но как бы ни была важна ценность этих книг, построенных на материалах биографий отдельных людей, они не

могут заменить произведений, где была бы дан общепонятный тип героя социалистической страны.

Надо сказать, что весь путь советской литера-

Иван Ильин в 1921 г.

Бригада писателей в Узбекистане. Сидят слева направо: Д. Стонюк, В. Герасимова, В. Иабер; стоят: В. Гугрев, Эль-Регистан, Б. Левин, А. Митрофанов, А. Дроздов.

туры за последние годы характеризуется попытками вымешать образ такого героя.

Эти попытки не всегда были безуспешны. Практика художественного творчества работала «отрицательно», будто бы отрицательные персонажи всегда получались ярче и убедительнее чем персонажи положительные. В книге Погодина «Мой друг» наиболее выразителем в художественном отношении Гай, а Елсин или Беломосей. В материале «Время, вперед!» Мариугане было удался автору чем Набзайлов и т. д.

Однако литература еще не создала такого героя, который оказался бы умнее и сердечнее молодежи.

В книгах мы находим героев, обладающих одними социалистическими качествами в ущерб другим. Зачастую философское осмысление мира дано в одном персонаже, а действие—в другом. Так получилось у Шагинин в «Гидроцентрали», где «Рижский», основная «думющая» фигура романа, выдвигается в сущности, и спорные откобачив. Где отчасти получилось и у Ильина в замечательном по многим отношениям романе «Большой ковчег», где Газган, культронщик Волжского тракторного завода, все время забывает, рассуждает и философствует. Правда, Газган не только рассуждает, но и действует: он организует борьбу масс за овладение техникой. Но то обстоятельство, что преобладающее место в образе Газгана занимает не его действия, а его разговоры с Бобровниковым, снижает убедительность романа.

В отличие от героев буржуазной и дворянской литературы, для которых и был характерен разрыв между мыслем и действием, или герой, герой рабочего класса, действует в своем мировоззрении и в своих поступках.

Николай Богданов написал роман «Планку друзей». Писатель понимает те высокие требования,

которые предвзвешивают сноха к людям. Из многообразных друзей комсомольской молодежи он выделяет в качестве положительного героя одного лишь инженера Варгазова, строителя Железнодорожника.

То, что пока называл Богданов, лишь таковыми наброски и эскизы. Вся книга—как бы разрозненно продолжение и будущее произведения. Но уже сейчас можно указать Богданову на один существенный недостаток.

Читатель видит в книгах героизма действия, героизма поступков, а не героизма слова. Этого не понимают многие, в том числе и Николай Богданов. В «Плануме друзей» он заставляет героев без конца разговаривать и переписываться. На протяжении десятков страниц идут письма с историческим объяснением строя Железнодорожника.

Инженер Варгазов рассказывает о себе в таком стиле: «Мне радостно было строить чудесную машину для габант железного восторга социализма...». Подобные подлинные героизм действительности никогда не будут говорить о себе так... высокопарно. Но дело даже не в этом. О положительных качествах Варгазова говорится главным образом в письмах его друзей. Когда же автор, наконец, показывает нам Варгазова в действительности, мы видим лишь штурмовщика.

Волею давнюю попытку создать образ инженера-коммуниста сделал В. Катаев в романе «Вперед!».

Его Маргулис, бесспорно, крупная фигура. Автор сумел показать беззаветную преданность Маргулиса делу, порученному ему партией. Поведение Маргулиса исследовал его близкий заинтересованный в строительстве социализма. В то же время он и «всезнающий» администратор, а хороший инженер. И все-таки Маргулис не является «героическим». Ему как и бесподобному Варгазову не хватает американской деловитости.

Маргулис работает с безымянным напряжением беспрерывно в течение двадцати четырех часов и не успевает даже поесть. Все его попытки удержать время сначала для завтрака, потом для обеда, наконец для ужина кончаются неудачей, темпы строительства его как вешенка. Этого еще нельзя считать недостатком в романе Маргулиса. Организация жизни времени характерно для многих наших работников. Но Катаев, не понимая, что тут дело именно в человеке, а не в темпах, строит роман так, как будто он хочет убедить читателя, что при таких темпах никак работать нельзя.

Между тем всякий, прочитавший роман, придет и к другому выводу: при таких методах работы Маргулису грозит опасность жизни на стройе; варовое может сорваться с рельсов. Получается естественное заключение: осветить производственный

В. Герасимова в Симбирске между двумя учебными партиями.

темпы не допускает планомерной, организованной, без рывков и штурмовщины, работы. Образ Маргулиса исполнен и в другом отношении. Его партийные дела рассказаны слабо. И, действительно, о партийности Маргулиса читатель узнает из одной его случайной фразы.

Галадов дел в романе «Энергия» картину строительства крупнейшей гидроэлектростанции «Энергия» вымолотил от романа Катаева тем, что в ней правильно разрешена проблема социалистического труда. Ударники в романе Галадова—подлинные ударники. Для них усложнение темпов и преодоление трудностей не только вопрос личного самолюбия, но и дело важнейшей общественной важности.

Одна из главных фигур романа—Мирослав Ватагин, секретарь парткома. Партийность Миросла Ватагина не является сомнительной. Ватагин идеологически безупречен. Он хороший руководитель парторганизации. Крутозор его как будто шире чем крутозор Маргулиса. Он умеет угадать работу и культуру отдавать, пользоваться совет-

С. Третьяков и Л. Насильев (стоит в центре) в селе Хотылава на Потавичине после вынужденной посадки самолета АНТ-4 подписывают договор с активистами села о создании аэродрома.

цем, воздухом и водой, рассуждать о высоких материях, но именно это-то последнее свойство настолько резко автором, что является всеобщим недостатком романа; и на строение во время разговора и на плавание... Даже ватагинский из омуля, в котором он чуть не утонув, Ватагин первым делом начинает философствовать по поводу случившегося. В результате нашей чепухи превращается в философствующую схему, изразительности и афоризмов торжественным, высокопарным языком.

Положительного героя показывать не через действие, а через разговоры—это главный недостаток большинства разобраных выше произведений. Не забыла этого отчасти и Борис Лепин в интересном романе «Юноша».

Вольфганг Прокруссия в романе Асавава противостоит в качестве положительного «младшего человека» всеподатливому «старшему» Мише Колеву. Прокруссия—набросок положительного героя, для которого работа является центром жизни. На работе он любит, работает, отгорачивается, негодует, радуется несмертельно больше и ярче чем «дома». В отличие от Миши ничто не оставляет Прокруссия равнодушным, до всего ему есть дело... Но то, что рассказано Лепинским о Прокруссии—это пока лишь иллюстрация к интересному задуманному образу. В моменты наиболее напряженной работы, тогда, когда человек выматывается полностью, Прокруссия как раз мим и не видим.

Пожалуй единственным примером героя, прозвучавшего довольно через действие, является 25-летний Давидов из «Поднятой целины» Шолохова.

Это не схема творческого большинства — это живой человек, асинхронный рабочий—партия, неплохо разбираться в незнакомой ему сложной производственной обстановке, надвешенных жизненных, человеческих чертами. Его выдерживаю во время худшего «буги», его умение разговаривать с массой вызывают сочувствие и одобрение читателя.

Но положительные качества Давыдова, производящие достаточно сильное впечатление, зюгла мы анализируем их вне романа, тускнеют, как только мы начинаем сопоставлять Давыдова с отрицательными героями. Тогда оказывается, что Негубов, Островный, дед Шуварь обрисованы ярче Давыдова. Шолохов при всем своем мастерстве сплоткнулся за том, на чем

сплоткнулся до него многие; он и не сумел дать образ положительного героя, более яркого и сильного чем герои отрицательные.

Образ Давыдова недостаточно приподнят. Именно поэтому в лице Давыдова писатель не дал нам положительного образа большевика, перестраивающего мир. «Быть таким, как Давыдов»,—это у нас не говорит. А необходимость в таком нарицательном имени, в таком героическом образе, сейчас еще больше чем когда-то бы она была.

Особо нужно остановиться на произведениях молодых писателей. Частично о них мы уже говорили. Богданов и Яков Илларион—писатели, воспитанные большевиками и поэтом, выросших в недрах ленинского комсомола: Островский, Алденко, Смирнов, Корняков и другие.

Как же эти писатели, крепко связанные с ленинским комсомолом, вымолотили доверенное задание? Как вымолотили их творческие поиски в этом направлении на весь фронт советской литературы?

«Как заглавная статья» Островского—одна из самых популярнейших книг среди молодежи. Правда, и здесь не дан «второй-идеал». Но Павел Корняков и его брат Артем, матрос-большевик Лушар—лишь, вспоминаясь фигурам. Героизм Павла Корнякина возмущает; он является ленинским следствием окружающей обстановки, ленинцем на Корнякина взрослых рабочих, прежде всего его брата.

А. Фадеев и китайский поэт Эми Сю в лагере.

Корпачи—будущие, герои гражданской войны и первых месяцев мирного строительства—закономерно вырос из маленького Павки, строившего палату учителя-попы и по-своему борющегося против чудовищной эксплуатации детского труда в привокзальном ресторане.

Яркие, насыщенные красками нешаблонные картины хозяйничанья на Украине петлюровских банд, увлекательно рассказанные боевые эпизоды придают книге по содержанию завершенности со зримостью содержания, которого не хватает многим произведениям нашей литературы. Роман еще не окончен: вышла лишь первая часть. Можно ожидать, что Островский будет одно из лучших произведений о годах комсомола.

Талантливый молодой писатель Авдеево зарисовал в романе «Я люблю» яркий образ рабочего-комсомольца, пережившего в детстве ужасы капиталистической эксплуатации и познавшего изнутри социалистической стройки радость творческого, коллективного труда.

Образ Саньки волнует читателя искренностью веры и лиризмом.

Картинки борьбы за качество работы, эпизоды соревнования мастеров по-настоящему захватывают читателя. Свежий язык, смелые образы, неслыханные эпитеты выделяют этот роман из произведений других ударников, вместе с которыми Авдеево был «спринжером» в литературе.

Но несмотря на эти положительные качества роман художественно непоискован.

Ликующий лиризм автора (во второй части книги), поданный в неумеренных дозах, портит образ Саньки, делает его слезливым.

Грубая безыскусность, чрезмерная «обработанность» Саньки не могут нравиться нашей молодежи, готовящейся к решению классовым битвам. Авдеево свелась одна из характерных особенностей нового человека — его оптимизм, но вырва этот оптимизм неглубоко.

Этот поверхностный оптимизм, предрешенная успешность, сплошные розовые и голубые тона особенно характерны для молодой поэзии.

В поэзии задача создания положительного образа связана с проблемой лирики. Выразить чувства и мысли нового человека так, чтобы войти читателю «за живое», чтобы отозваться этой читателю у самого мастера лирики, как Есенин,—это что предстоит сделать поэтам, если они хотят выразить требование лирического комсомала.

Смыслов вырвана чувства молодежи, выросшей в боях первой пятилетки, преданной партии, жадной к жизни и знаниям:

«...Так, влюбленный в дышлое,
Некрасивый и рабой,
Ты приходишь с насладившем
Мир, во всех его явлениях
Пониманием тобой.»

Но, выражая в своих стихах поавоту жизни, которой живут юноши и девушки Советской страны, Смеляков иногда забывает о другой особенности молодежи—об ее целестремительности, об ее

мечте видеть в действительности и положительности и отрицательные качества. За цветами, травками и дождиками, которыми полны стихи Смелякова, иногда проглядывают контуры мира, противного по-большинству. мира, в котором еще предстоит много бороться для окончательной победы социализма.

Смеляков находит для основных моментов своей поэзии свежие и впечатляющие образы. Но на его творчестве сильно сказывается болезнь роста: недостаточная глубина и нечеткость мировоззрения, некоторая тематическая узость, бедность творчества.

Если Смеляков идет к созданию образа молодого героя путем лирики, то Джек Алтаузен пытался решить эту же задачу, нарисовав большое эпическое полотно.

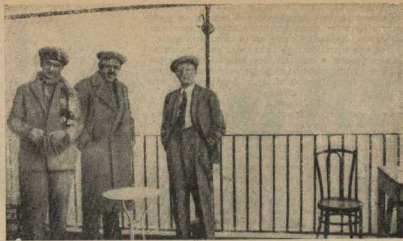
Его поэма «Первое поколение» представляет собой попытку дать образ ударника—героя эпохи—широким выписками из жизни. В этом достоинство поэмы.

Но герой поэмы Мишка Базунов, помимо воли автора, оказался не тем героем, по которому могла бы развиваться наша молодежь. Лучшие чувства и мысли Мишки почти не выразились в героических действиях. Во многих случаях они подменяются отвлеченной декламацией. Эта декламация часто сменяется положительными чертами ударника Мишки Базунова. Мы ждем, что Алтаузен в своей дальнейшей работе справится с тяжелой, но благодарной задачей, которую он поставил перед собой.

Социалистическая действительность создает людей нового, ленинского-сталинского типа.

Страстность и трезвость, готовность на любые лишения и желание жить с покрытием всех культурных потребностей, американская дееспособность и русский революционный размах, знание техники своего дела и широта культурного диапазона—все черты этого формирующегося в нашей стране нового человеческого типа.

В живой действительности эти черты рассеиваются между отдельными людьми. Еще редки случаи полного совмещения всех этих положительных качеств в одной индивидуальности. Но значит ли это, что нельзя уже теперь создавать образ положительного героя, что всекие попытки в этом направлении заранее обречены на неудачу? Тов

Поэты А.Н.Аров, А. Бельмызский и И. Уткин во время путешествия по Италии в 1928 году.

Горький неоднократно указывал, что литература должна подыматься над действительностью, что она не только отражает, но и направляет жизнь.

Неудачи писателей «объясняются» и огромной трудностью задания, и плохим знанием ими действительности, и слабостью словесного мастерства. Бедь творения и людям в нашей стране неизмеримо выросло. Новый устав партии требует от каждого коммуниста знания техники своего дела и повышения теоретического уровня. Примеры людей, награжденных орденами Ленина и Красной звезды, стимулируют миллионы других людей работать во всех областях социалистического строительства. В этой обстановке проходит стремительный рост культуры широких масс. Все это в результате делает работу писателя более трудной. Носком Михаила Ивановича Калинин заметил, что стать писателем в нашей стране неизмеримо труднее чем в буржуазной стране. Калинин имел в виду высокие требования, которые предъявляются сегодня к писателю—«спиннеру душ».

Чем об'яснить, например, неудачу молодых писателей? На это ичерчивающийся ответ дан Александром Горьким в «Беседе с молодыми»: «...об'ясняется... на мой взгляд слабым идеологическим в техническим вооружением молодых литераторов. Независимыми ими истории своей страны и ее людей, законом они были до революции. Незнание, которое лишает автора возможности понимать резко внутренне различие настоящего с прошлым и достойно оценивать настоящее. Не зная истории и культуры своего народа, не зная, насколько внимательно останавливается по-предмуществу на отрицательных явлениях ее и как бы не замечает явлений, требующих утверждения, развития. Выбором мелких, анекдотических тем, удалением деталей и в мутных провалах и вообще работой «по линии наименьшего сопротивления».

Эти слова тов. Горького имеют отношение не только к молодым писателям, но и ко многим признанным и маститым.

Где в литературе образы большевиков типа Шмидта и комсомольцев типа Усескина? Как откликнулся писатель на завоевание Арктики? Не обводилое пустынь? На появление в стране замечательных кадров новых командиров промышленности, о которых с гордостью говорил на XVII съезде товарищ Сталин?

Дело, конечно, не в том, что знание истории Советского союза введено совсем недавно,—неофициально это знание существует с первых же дней советской власти. Характерно, что единственным откликом на списание экспедиции Нобиле в 1928 г., в котором деятельное участие принимали советские люди,ом, летчики и волярины, была средняя повесть Б. Лаврентова «Белая тигель».

Итак, творения ленинского комсомала к литературе еще не удовлетворены. Но советская литература идет вперед: она уже овладевает методом социалистического реализма. Одно из главных требований этого метода—создание типичных характеров в типичных обстоятельствах. В прозаике и нашей поэзии—это требование создает типичных советских героев в типичных для советской действительности обстоятельствах.

«Правдивость и историческая конкретность художественного изображения должны сочетаться с задачами идейной пропаганды и воспитания трудящихся людей в духе социализма» (Устав Союза советских писателей, п. 1-й). Понятно, что воспринимать отвлеченными поучениями нельзя,—воспринимать можно только на конкретных примерах. Поэтому создание положительного положительного героя—основная задача советских писателей.

Л. Некули (первый слева) в 1933 г. на раскопках древнего римского форума в Смирне (Турция).

ТРАГЕДИЯ РАСТОЧИТЕЛЕЙ

Этот номер «Смены» находился в верстке, когда «Правда» опубликовала статью М. Горького «О литературных заблуждениях». Статья привлекла внимание всей советской общественности к фактам мифологизированной расхлябанности, бытового разложения и низкого культурного уровня части литературной молодежи. Алексей Максимович со всей присущей ему остротой поставил вопрос о борьбе за социалистический тип писателя, о решительном изгнании богемных настроений из быта писательской молодежи.

Статья Нин. Атарова, написанная в середине мая на основе бесед с молодыми писателями, говорит о явлениях, родственных тем, на которые указал Алексей Максимович.

Речь идет о культурном уровне молодого писателя. Как показало обследование, он очень низок. Случайные знания, случайно прочитанные книги, знакомящие с основными фактами истории, невежество в области науки и техники — вот что характеризует многих представителей молодой литературы.

Этот низкий уровень развития, ограничивающий и творческий рост молодежи, порожден анархизмом и расхлябанностью в личном быту.

Наша борьба за здоровую литературную молодежь является частью классовой борьбы. Спокойствие и самодовольствие нетерпимы. Союз советских писателей при помощи комсомола и всей советской общественности должен развернуть огромную работу, чтобы помочь нашей литературной молодежи стать подлинными писателями-большими людьми.

1

Под стихами фамилия звучит красивее чем в списке бригады. Цех уже знает своего поэта. В заводской газете его стихи появляются все чаще и чаще.

— Уезжай, ребята, в Москву, — говорит он олимпиаде, — буду вашим поладом, а литературой, выданной вами теми, опишу наш завод.

Ребята всматриваются в него:

— Писки.

— Это двойное задание: лишь нам письма, лишь о нас стихи.

Товарищи растолковали. Читатели поспешно работают в цехе, переходят на третье разряды в четвертый — пятый, ходят в театр, достигают высоких степеней спортивной точности знания. Поэт оседает в Москве, писательство становится его профессией.

Приезды в Москву, выскрашивание в журналах, знакомство с литературной средой на ярмарке социализма, второму признанию таланта.

Еще недавно Москва сиялась своим ребятами: Кожановскому в Омске, Зарубину в Симбирске, Шапрану и Паченко в Одессе, Бороздочному в Сталинграде. Сии были ярки и радостны. В ту пору здесь проходила в работе. Стихи сочинялись вечерком. Ночью летали сны. И все было ясно. Первый друг был первым читателем. Котельнич читал стихи вольготно, фальшиво — фальшивым.

Москва головорезливо расширяла аудиторию этой слободки молодежи. Молодые писатели поднимались на трибуны клубов, им отглаголивали журналы. Вузыми, красноречиво позвали их на свои вечера. И даже Понятницкий музей, в котором недавно гремел Маяковский, услышала первичные еще голоса «поэтов третьего позывка»: Сидельева, Доматовского, Абрисмова и других.

Ни у одного поэта в мире не было такого простоты слушателя и ценителя. Он смеется по-детски на том, где ослепел поэт. Задает всякую задачу одобряет звонкими аплодисментами.

Но вот неожиданный вступительный поэт смутился. Так случилось как-то с маленькой Фейергойц: она забыла строчку и замолчала. Зал с тактом выдержал паузу, потом стал дружно подбадривать, вспомнить вместе с поэтом. Стихотворение было только что напечатано в журнале. И вот что, наконец, испомина и подкачала:

— И куда мне рогать подальше...

2

Так проходит год — другой. Пишутся стихи, рассказы. К Москве уже привычка. Тогда-то грозно встает перед ребятами проблема роста. Растет все страна. Растет читатель. Он требует чего-то более выразительного чем лодный аниет или удачная биржа.

Губонин Ефим Михайлович из Образовки пишет:

«Часть вы комсомола в стихи вставляете и даве не дадите фирмам, в так. А ведь это живые люди».

Борисов А. С., из Кунгура, жалуется: «Ночи зорюбаты, а то бы сам все обобщал. Много интересного в стране, но я в рассказках».

Калинин, Михаил Иванович, всеозначный староста, прямо ставит вопрос: «Писатель должен быть одним из самых культурных людей. Иначе какой же он писатель, если его культурный уровень будет ниже чем у окружающих, кого и чему он будет тогда учить?»

Серьеза как смутная догадка о читателе, потом как прямая угроза творческому одиночеству расцвет в сознании начинающего писателя мысль о личной культуре.

И ожидания в записную книжку вписывается горькая истина: «Научиться лстать все-таки легче, чем научиться делать покладу...»

3

«...Тридцать лет тому назад в беседах болших американских рек: Огайо, Миссисипи, Миссури — можно было наблюдать колоссальную разницу между теми городами, что стояли на реках, и теми, что — на железных дорогах. В речных городах пародичные пассажиры без всякого недовольства ждали отбыва по несколько дней, правдою сложился по молву, обмениваясь остроумием и сплетнями или предаваясь безделью на верандах гостиниц».

Когда, наконец, издала доносился глухой реп сирены. — был ай то день или другой, — весь конный город охватывался аморальным возбуждением, которое продолжалось, пока пароход не отчаливал от пристани и не уходил дааме. Здесь не вужны были часы, все делалось неслепно, по семейному. И по сметам палатки не в срок, а когда продается урочная...»

Но в железнодоржных городах жизнь была совсем другой. Там в домах висели стенные часы, а в нематках тикали карманные; на вокзалах люди являлись по расписанию. Аккуратный приход и уход поездов регулировалась жизнью, дисциплинировала даве тех жителей, которые иногда не указали...»

В Москве олимпиаדת возмозло. Это подлинно «железнодоржные» города. В нем ценят минутку. Партия новых будничных рассказывает в ЗРК за полчаса. Трамвайные пассажиры берут под контроль ленивого вагоновожатого.

Но эта организованность, это уважение ко времени не есть результат одного только дисциплинирования жителями. Таких же явлений можно наблюдать и в отдаленнейших членах государства Союза, потому что и там господствует в сознании масс понятие «революционных размах и американская дисциплина».

Уже пишущий рассказам о том, как под влиянием социалистического труда в киргизском совхозе

1. Г. Эмерсон «Двадцать принципов производительности». ГИТУ, 1931.

время перестает быть в образе («солнце три раз уйдет в песок») и становится понятным («смыслает два часа»).

... В Москве олимпиаדת возмозло и амлетично три часа на выдохе пережесте. Но сам придухается о быто молодых писателей, его иначе и не называш, как бытом «пародичных пассажиров».

Так, на американских речнах, тридцать лет назад, люди много дней ждали отбыва, правдою сложился по молву.

Здесь, в Москве второй отбыва, дорогие ребята беспечно расточают время в еспешных прогулках по раскладкам и издательствам. Даже в литературной толпе становится привычкой. Любая подопытная «Федора» любой редакции, приселит вестри даже примелькавшихся друг другу людей. Эти встречи не сулят ни умного разговора, ни содержательного молчания. О чем говорят здесь? От этих пустяков можно отмахнуться. Любая маломальская остроумная фраза успевае за день тридцать обывать всю интеллигентную корпорацию. Порой сплетня заносится над толлою как греховщина. На «теологическую» тему здесь говорит ко вузному: «Это, понаучи, у тебя от Родригуэз ма? Так же бы назвать Катая...»

Иная теология — этоного да... но в литературе ребят. Здесь никто не развернет своего номера газеты «Техника» или «За индустриализацию». Только даже из восточных сопредельных молодых писателей знаком с названием скрипта «СО-РЕНД» («Социалистическая реконструкция и развитие»).

Уровень своих технических и научных знаний эти ребята стараются превратить в достоинство, освещенное диморфной философией.

— Уважение к машине? — тикет с умешной Бороздочному. «Техническая мысль? Ну это все пустяки в сравнении с жослом. Колобо и инет — все создала им что-нибудь равное этому тикету двадцатого века?»

Каждый из молодых писателей интересовался кем-нибудь в прошлом: Бороздочному — медивной, Кожевников — астрономий, Абрисовым — митрополитом внутреннего строения. Сейчас все это отстало как пункт в аниете.

А в то время пока молодые писатели обмениваются остроумием и сплетнями, их сверстники втирают культуру, их мир расширяется. Они даже в тридцать лет-то, когда соседа багачивают в чужую газету; сегодня домешники салят тридцать тысяч тонн, за юте прогон дождя, Амидея наук издает Нюттона.

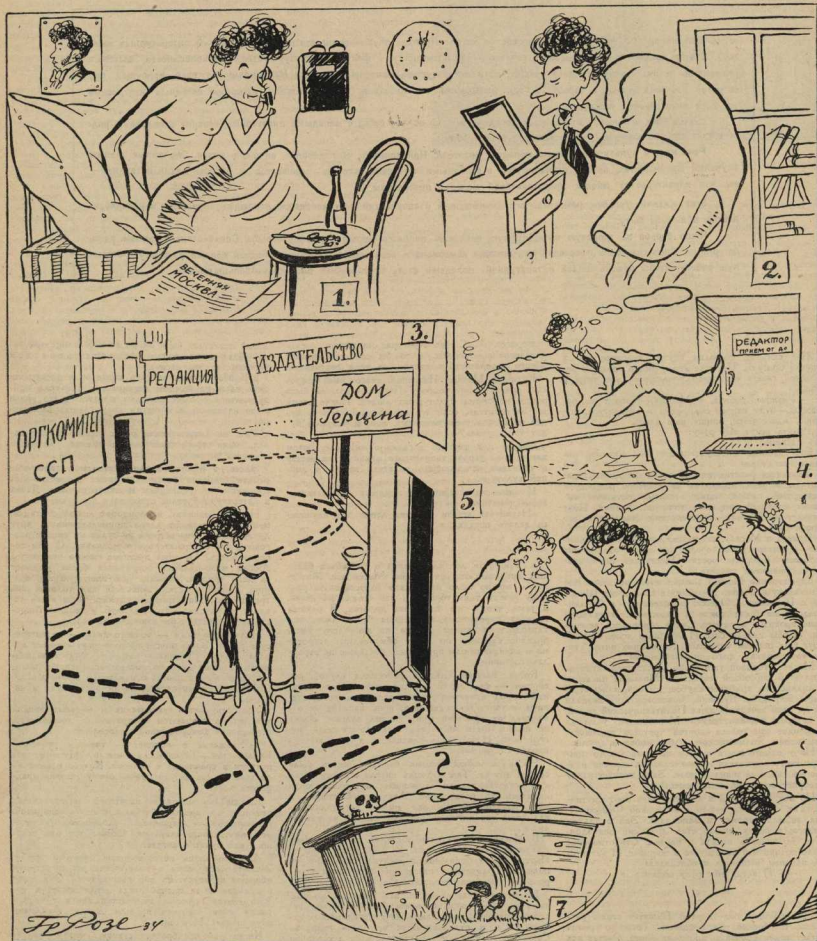
Когда рабочий бросает станок, чтобы заняться сельским хозяйством, его поощрение осуществляется вощниками: «420 минут плодотворного труда — это и есть условие производительности».

Каких напряжением воля должен обучать себя молодой писатель, чтобы не дупстать «пропаганду»? За индустриализацию столько работы по труду 420 минут — минута в минута. Но все же выждо-

В ЛАБОРАТОРИИ „ТВОРЧЕСТВА“

ДЕНЬ МОЛОДОГО ПИСАТЕЛЯ

Изофельтен ГР. РОЗЕ

1. Связаться с массами пора.
С двенадцати часов утра,
Еще со сна, почти без воли,
Он в трубку об авансе моли.

2. Как денди лондонский одет —
Сегодня в МТП банкет!
3. И, обтирая кружный лоб,
Он совершает свой поход.

4. Он погружен в свои мечты
Неповторимой красоты.
5. И, заласала опыт впрям,
Берет у мастеров урок.

6. Он засыпает, сордище чист
И злит во снах лавровый лист.
7. Но за гигантский этот труд,
Увы, его не признают.

И ВОТ ОНИ — ТРУДОВ ИТОГИ, — У НАШИХ „ГЕНИЕВ“, ОЧЕНЬ МНОГИХ

му ясно, что естественное желание по редакции отнимает лучше часть дня, опустошает мозг, размагничивает волю. Это настоящее бегство от буднич. Можно ли оправдать его тем, что, когда придет эдиктоновое... «звезда глумится рев паролоидной стрелой доводится извне, — идет ли, впрочем ли — весь сонный город окутывает анкордонным возбуждением, которое прорывается, пока шарод — не отчаянная дашнае.

4

Поэт Абросимов — способный и искренний человек. Его притворство не служит какой-то побочной целью. Абросимов откровенно признается, что с культурой у него пакао.

Он вырос, в отличие от большинства своих литературных сверстников, в Москве. В Черковье у него хворавшая «средняя температура» — это его друзья; два шфера, ваговановатый, техник из распределора и слесарь.

За время литературной практики Абросимова черновицкие друзья в своем общем развитии переплелись поэта. Они живут подлинно культурной жизнью. Читают книги, бывают в театре. Немало разбираются в политике, физике, медицине.

Недавно один из шферов раскочевал, попутя проблемой расщепления атомного ядра. В другой раз друзья поехали поехать в Музей западной живописи и как умели, объяснив творчество Гогена, Пикассо, Матисса.

Сам Абросимов читает очень мало. Ему трудно вспомнить, что он прочитал за последний месяц. В театре он был в течение сезона пять раз, при этом два раза шел в театр по приглашению редакции «Самые».

Абросимов — не исключение. В области живописи, скульптуры много писатели не имеют своего вкуса, своих мнений. Любопытна в них их пробуждающая дилетантская Гангетта, в частности «литературная», дает им себя подрабатывать знания—общие сведения о предмете. Но ведь этого вполне достаточно лишь для того, чтобы не скучать в литературной болтовне!

Теперь переберемся к поэзии.

О замечательном романе Илланы «Большой коней» слышна кашаляки. Но никто из восьми товарищей, с которыми и беседовал, не читал этого романа, хотя он издан в «Юманитете» и продается во всех газетных киосках.

О замечательном романе Зюганта «День второй», хотя издано с увеличением следил за резкой полемикой о романе на страницах центральных газет.

Последние театральные постановки сезона известны только по рецензиям. Только двое из восьми посетили выставку «Наша действительность», никто не видел выставки детского рисунка. Мимо выставки китайской живописи развозачно прозевают в вагоны трамвая.

О себе Борхатович говорит так:

— В книге пишу то, что может пригодиться в моем деле. Ава Толстого достаточно знать в сокращенном издании: многоголосье, хотя я и Оленихи много отнять два—три строчки.

Павел Смирнов читает и знает не больше других. Его случайная «интервью» наполняют со-

стент на стилов друзей. На титульном листе — автографом.

Вним Коневников «проробатывал» Шекспира в Райтин. Коневников значение подымаемо здесь социологическими абстракциями. В притворчестве с ним Андре Марти, — как закончил собой дерзвые Шекспир только «знаменавале» — и ничего больше.

Сейчас Коневников тоскует по классикам. Его привлекают великие писатели прошлого прежде всего своей выразительной работой над словом.

По традиции, многим писателям известны из новеллистов лишь Чехов, Мопассан, Горький и Гюльи.

Остаются в университетской неизвестности Парандело, Мюрге, Стендаль, Шервуд, Андерсен, Амброз Бирс.

5

Ну, а как же с Москвой, с ее одинадцатую воламики и электрическими часами?

Ребята жалуются, что редко едут по стране: Ижевск—белый бездорожник, таксаются по городам, темер, садаялись постои, полова, как вылетит дым из паролоидной трубы.

Ну, а что же все-таки Москва? Очевидно ли ее соборные выразительные молодого художника? Неудат ли неизменяемый весь необменяемый концентрат московских событий?

Где можно видеть еще что-нибудь более значительное?

Страна посматывает в Москву волельбиство, ставдаров, амьшиков. Ученые всего мира съезжаются на конгрессы. Архитекторы строят прекрасные здания. Сегодня — совещание по экономиче субропников. Завтра — обязательное дворянское организуют покаванную уборку Арбата.

Писатель может, если добьется этого, в пригороде Калитина наблюдать волочащих колдоров, присутствовать при первой власти «Максима Горького», пойти по рабочим квартирам инженерной или сборщиком утиля. Он не знает безработицы. Он может изучать мир в любом обществе.

Какие еще у него с миром связи кроме литературной? Знает ли он инженеров, садоводов, изобретателей, телефонных мастеров? Сохранил ли дружбу со старыми приятелями—костальниками, программистами, модными и оркестральными дилеммами, о которых он и не думал?

Может быть, мастер острою сюжета, но позанимается с инспекторами научной аварийности? Эти люди промывают экспертизу аварии, определяют степень вины коллизии.

Но не прыжка к поверхностному отчету. Но в расписании дня Борхатовича должны потесниться редакции, чтобы дать место промышленной выставке; и у Делавола должен найтись час для разговора с шуббудиодем.

Впрочем, он не смеет с ним поговорить, не зная того языка, на который уже переведены лучшие его стихи.

В моем же миру не впечатлениями, а воспоминаниями: они как шары на мне—говорит Железнов в ответ и читает стихи о беспорядочном детстве.

6

Дальнейшее пребывание в атмосфере низкого давления — в изолированной «профессиональной» сре-

де, отрыв от жизни—лишает молодого писателя восприимчивости к сегодняшним темам. Так «поэри» заметило для себя терять свой полномочия. Нескромно эдет назад даровитый поэт Пачинко работа жетеладном из судостроительной завода им. Андре Марти. После работы на производстве он рутулоидно поонергичны ирами, вка беседы. Он был поонервоатываты.

Ежедневно он получает свежий номер одесской газеты «Маяк» и читывает ее в всю. Он и сейчас помнит волнование его тогда статьи. Каждое постановление объема комсомола восприимчивость им как важное событие.

Он ушел в литературу, чтобы быть в ней «поэри» своих героев.

Он и сейчас комсомолец и пишет хорошие стихи. Но его уже меньше волнуют вопросы комсомольской работы в студенческой ЦК о перестройке от даже не читаю.

У многих начинающих тему перестройки работы комсомола, охватывающая огромный круг интересов рабочей молодежи, поднимается делавидней. Была бы Москва за «материалом» все чаще принимает вид литературного брошкетства. Потоны за «остретьми» сюжетом, работа на анекдотическом факте дополняется словесным уукрашательством. Вот критическая работа на рассказе молодого, собственного баллетиста Борхатовича:

«Розовый снег отцветает деревьях».

«Розовые звезд, аллюдище с отцветающих ветвей».

«Белая роза вариана».

Это именно та цегельская наривность, то неманство, та мимнра метафор, которые прикрывают застывшую убогость содержания.

7

Итак, литература — трудное дело. Нужно, действительно, знать очень много. Конечно, дело тут не в простой утилитарности. Чтобы описать рыцаря обиходной жизни, но обязательно знать, что из слез в биохимической лаборатории добывают лимонин.

Понятие культуры не тождественно и простой литературной значительности. Недостаточно знать над тем работает сейчас Олеша, кто премирив на конкурс арматурого, недостаточно прочитать в издании «Академии» молодого стиха Челомеи и поубавить на поэтическом совещании, чтобы считать себя культурным писателем.

Недостаток личной культуры есть прежде всего результат неорганизованности и отсутствия произволственно-бытового режима. Некультурность производится в творчестве к вероучаеству, к беспорядку, му «эпизмально» вещей и явлений.

Некультурность, отсутствие критического отношения к себе тянут молодых к заимству и чванству.

Именно это сочетается с пшнкой, бегомой, раскультуренно в личном быту. Кабачная «шпота» некоторых старых литераторов в первую очередь становится предметом подражания молодежи. Художественные посмеяния Есенина действуют в дружбу с комсомольскими поэтами, и этот блок—тревожный признак!

ВАСИЛЕВСКИЕ „ЛАВРЫ“ ПОНОЯ НЕ ДАЮТ...

Рис. Л. Соифортиса

«Несомненно чуждые влияния на самую талантливейшую часть литературной молодежи. Конкретно: на характеристике молодого поэта Ярослава Смелякова все более и более отражаются личные качества поэта Павла Васильева».

Нет ничего страшнее этого осколка буржуазно-литературной болтовни. Политически (это не ново являющимся творчество Павла Васильева) это—ораи. Мне известно, что со Смеляковым, Домостовским и некоторыми другими молодыми поэтами Васильев дружен, и мне понятно, почему у Смелякова редко не пахнет водкой и в tone Смелякова начинают доминировать нотки анархо-индивидуалистической самозабвенности и повеление Смелякова все менее становится комсомольским.

—А Смеляков—комсомолец, рабочий. И еще удивительно—почему наиболее пораженной частью является поэтическая группа литературной молодежи? Я думаю, что это потому, что дух анархо-бolshevikский идеал, как у поэтов, не повоевался в степень традиций. Но ведь это было характерно для прошлого, для той равлады между средой и системой выявлено литератора, который существовал до революции. Откуда же теперь исходят эти влияния?

Оказывается, они и теперь живучи и отравляют часть нашей молодежи».

Открыто из письма, присланного М. Горьким в статью «О литературных выборах» («Правда» от 15 июня 1934 г.)

ЯР. СМЕЛЯКОВ (П. ВАСИЛЕВУ)—Паша, дай и мне поглядеть в твой телевизор!.

РОЯЛЬ МЕНЯЕТ КВАРТИРУ

Очереди никогда не радуют сердца советского гражданина. Казалось бы, и востро не следовало радоваться, когда он изнывает в Москве на две очереди свежего происхождения. Не следовало, если бы они не оказались владением родным.

Однажды автор спускался к реке по Лаврушинскому переулку, и взгляд его приметил зловеще протянувшиеся в четверть километра. Это замковые мостовые стояли в очереди, чтобы попасть в Третьяковскую галерею. Они терпеливо ждали возможности войти в палаты тизмот Лешвина или крику Малявина.

Вторую замечательную очередь автор увидел на

Петровке. На втором этаже огромного универмага Мостора, в музыкальном отделе, сидела терпеливые покупатели. Автор испытующе взглянул на полки и выкопанные витрины. Нет, всего было в достатке. И пионерские горны, и «дет-гитары» и баян, на котором красовалась стелюшка японск, что они повергли бы в зависимость владельца ревердной кавказской рубль. Оказалось, что терпеливые люди идут knowingly и ролей, что они уже извлекли втайне баяллек и гитар и без пышно походить полк бытия не намерены.

Автор всматривалась невольно тот год, когда он приехал в столицу военного коммунизма. На Ван-

даевском вокзале он принимал свои саломы с карточной и бумажной трамвая и на этом привнес интерес весь город. Автор послалась в Доме молодежи и здесь познал, что роля в прошлые века использовались очень неравномерно, что в этой черной гавани как в бессознательной саване является новая богатства и возможности: во-первых, на ролях чрезвычайно удобно спать; во-вторых, он заменяет чертениный стол, и, наконец, вряд ли Иоганн Вах или Ривинский-Корсаков знали, что роля—прекрасный спортивный снаряд. Чего-то мог заметить, что когда он нажимает левую, «тизмот» подается, клавиатура подается вперед. На этом открытии и была основана новая атлетическая игра. Роля стал славною: один из игроков орлом нажима падал, другой, успешнее выходя из черные клавиши, удерживал клавиатуру.

Жизно любит подутьти над нами, и ввиду не было пышно обретенных ролей. Автор решил читать консерваторию по касуру проф. Немыновой-Луни и остаться в научном институте при Консерватории как талантливым музыканту-исследователем. Его партнер по игре заводит электротелевизионную мушкетерскую фабрику Москвы. Недавно он купил роля. Отныне следы изоляции с рук, он бережно поглаживал белые клавиши, и гром пионерского «Шолохова» затисся по комнатам квартиры. Новые роля—орлом иги, а молодой электротелевизионщик играет так, что даже его сосед, неутомимый профабрикант, услышав за стеной знакомый аккорд, напевает голосом затупившего примуса: «Цыган христианских прорабы».

Когда универсам Мостора впервые показал свои витрины, думал ли его хозяйственные родители, что пышно и роля вдруг окажутся предметами первой необходимости? Дух-трехтактные инструменты раскладывают как баяны. Еще услышуют сыны с привнесеного «беккера» дорожный влад, не успеет настройщик подтянуть струны,—а любители музыки уже обступают инструмент. Партию в двадцать пышно раскладывают обычно и почасы их покупают без раздумий и сомнений. Если бы не кодекс Мостора, запрещающий продавать инструмент без настройки, покупатели не давали пышно изобретать на второй этаж магазина. Их извлекли бы прямо из виточка и если бы как должностных и любимых родственников. Со дня открытия универсама отпустил 125 инструментов, среди них 10 ролей. Мог бы продать влад—второе баяны.

Роляю долго приносилась реакционно-угоднической идеологией. Не даром при первом выступлении футуристов Бурлюка, Маяковского и Кедровского и замк не прерываясь и буржуазной культуре над островом баянысь поменьше вперед погами роля. Лет десять назад, перед первой олимпиадой гармонистов, некие горе-теоретики возмстали, что извечно гармония—истинно пролетарский инструмент, правивший сменить буржуазный роля. Однако трудящиеся Иванылы, Петровы, Сидоровы, наконец ставшие распроданными своей судьбы, не выжили этому голосу. Один из этих Ивановых и пригласил автора известить своего нового, черноточного члена семьи—пьяного.

Григорий Герасимович Иванов не выпирался десяти тысяч по займу. Он, Иванов, попросту был старательным и честным рабочим, он пышною своей личной победой. И подобно своему государству креп и обогащал свою жизнь один из тех Ивановых, которых десять тысяч человек в олюю Москвы. Когда Иванову привлекли за Мостора пышно и оно, орудием стальной работ, протискивалось в дверь, соседи восторженно вступали.

Сам Григорий Герасимович—меньше всего музыкант. Он прокрасно дилетантский симфоний станок на 3-й трикотажной фабрике, его натрепированное око шутя ловит любую фальшивую нотку а баяне мотоциклетного мотора, но с фантазией он раньше просто баяны аныктомисты. Теперь же этот инструмент деланком приваждает ему, халворному пролетарию, механику капитального ремонта станков. Григорий Герасимович подымает крышку инструмента—и в ответ на улыбку баяны клавиш распахиваются три ответных улюблен членов его семейства.

Иванов получает 350 рублей и до десятка премий в год. Шесть лет назад он купил себе стальной, изношенный мотоцикл «руд», переделал коробку скоростей и винтаж за винтажком обновила всю машину. Сейчас в коридоре, прислонившись к стене, дремлет пролетарский мотоцикл. Осенью отец метил свою главную Голу а мотоциклетному парнику, у нее нашли задатки пинистки, даже пригнали, но потом завалили:

— Мы вынуждены отказать. У вас нет своего инструмента, а без домашней работы музыкальное образование немалому.

— Не беда,—уехала Антонию Григорий Герасимович,— лобудем и пышно.

И вот черной жилице посмеялся на почетном месте. Голым пиалцем, заглянув, выбивают пок

Наташа—усердная ученица своей матери Антонины Степановны Усковой...

летие гаммы на «Школас Байера», а отец подкидывает тот доск, когда под созревшей рукой музыкантин инструмент сверкает красками Римского-Корсакова, Шуберта, Шопена. Карандаш отца подстилывает: «В 195 г. я получаю 30 руб.—и инструмент стоил 100». Даже отдаленная памятью своего заработка, я смог бы купить пианино лишь через 4—5 лет». Теперь вместе с Тоней все семейство привозится к музыке...

Одних из «обскура» досталась трудный путь. Дом, в который он ехал, был обретен трагически и завален баррикадами Метрострой. К дому на Чудовое, где жила семья Усковых, подползли трасса первой линии метро. Семья пианино по Усковым уже обжила: оно, образное Антониной Степановны, потеряло первоначальный характер и глуховатость тона, стало теплее, мягче. Толковый Усков—руководитель школы Звенигородского училища академии за парком у него не берет денег по границам Союза, в Васильевском Малаховиче ставит своего «беккера», связанного с военной инженерией, жизнь бродячего музыканта.

Усковым инструмент купили тоже не сразу, а в порядке случайного и случайного прощитания. Тысяча рублей пресли, 450 на налоги взаимопомощи, равные экономии и сбережения сложились в 2240 рублей, составляющих цену пианино. И по этому на предельном Малаховическом пляже звучит четкий Григ и лободушный Шуберт, отчаяно ужившиеся рядом с учебниками фортепиано и полками уставками. Сила с Усковым, автор исполнил своего начальства воевой шлохал двадцатого года, честного служаку, страстного воина, который из музыки предпочитал духовную, но ставил непрерывное условие, неизвещенное ни одному знакомому контрагенту: «Грубые доклады были в исполнении и счастья как «проблатные» без этого, по мнению начальства, не могло быть всеобщим.

Но духовникам и баллистам приходится потесниться и в квартире. Сегодня пианино покупают механик и профессор, австрий да зимы предку на Петровку командовал и работала-коллекция. Пианино хозяйственно привяжут к танкове или к теле; хозяин, похосивший на зеленей, копейный глаз светфора, тронет волсия и «беккер» лодки на носовом А. рая проклад пианино, но неизбежно начнется вселенное «сербиличное» и другой музыкальной девушки. Недалом недавно кокашник справившая руководителю яничного радиокомитета Пихтова Милаевоича Корженева, почему в колахных радиопередачах дают только Грига; у них в деревне его уже знают и играют на всех балдахинах.

Пианино дешево первоклассного балла, который в цену идет наравне с малым кабинетным роялем. Брат механика Иванова, рабочий фабрики Московский, сменял стол закройщика на полвтор музыкала. Он играет в тереме светфора, четком остроте баллистом, а кулениный им балла стоил 3500 руб. Да, Шуберт и Чайковский перемешаны в квартире: из архитектурических значитель, особливоч Пюварского и Пречетского они те же ребрался в Ленинскую свободу и Фрунженские казармы, а «Фрезеру» и «Шарпу». Радиолюбительские альмонши развили музыку по городу. После Иванкина и профессора Тагелевского, партзавла Семёнова и председателя райсовета Кириллова. Когда культурпоставление Наркоматропа, по своей робости бовишес авторизованная инструмент, оценивая административных рабочих, что из них рискнет купить пианино, оказалось, что один металлист «Красного путиловца» может зарплато взять всю третьюлетнюю выработку пианино-рыбальной индустрии.

Полгода назад в химическом институте, который носит имя Менделеева—ученого редкой широты и глубины,—была проведена анкета, которая должна была помочь определить культурный уровень студента. Сейчас собранные ответы можно разделить так: собрание давно забытых курсов.

- Кто бы Мусоргский?
- Писатель-чирюстоотен (спутник композитора с Д. У. Мерклинговским—Е. С.).
- Как называется опера «Кармен»?
- Торедором.
- Кто вы знаете о Михаиле-Андреевиче?

И в трех ответах величайший автор Итальян оказался по римским палой, то теоретом, то композитором.

Лучший химик-атомист института, проф. Михайлович, умру запомнил, что химия от музыки, инженерия и искусство не стоить далеко, как это думают некоторые. Кстати и автор неудачливо «Кляня Игоря», нестойких воеводещей дамской не был профессионалом-музыкантом: да Дороница, профессора химии Санкт-Петербургской инженерно-физической академии, ученого с естественным именем, нотная бумага и музыка были всего лишь отдалком после лекций.

И вот в Менделеевском институте была проведена целая музыкальных лекций. Когда лектор, профес-

сор Чемазанов, в первый раз поднялся на кафедру и оглядел аудиторию, а ней сидело 120 человек и слушали 900; притом, спустя несколько дней их стало 900; притом, рост на 700 процентов. На отдаленные лекции приходило и больше. Визит Бетховену являлось 1100 человек, и лектор с восторгом вспоминает, что когда для малограмотия бедная пианистка играла третью симфонию, вся тысяча сидела как пригвожденная.

Музодела (или музыкальный отдел Мостора) торгует только советскими инструментами, и на крайние пианино стоит мистрия «Кристиан Октябрь». Кроме струи в инструменте все свое, а надо назвать, что старые музыкальные фирмы: Шредер, Рейли, Дилерих—только собирали инструменты и сплюли из заграничных частей. Конечно, первые советские инструменты были не без дефектов: бывало, что иррациный еще держал клавир, а звук уже кончался, а в акорде не все ноты звучали с равной силой. Притяжка показывала, что ниш инструмент надо обобрать: через полгода после покупки он акустичи мягче и ровнее чем в первый день. В некоторой глуховатости тона повинны жесткий фальш, обтяжка молоточков и отчужда кувало. В первые дни после передела на покупки—калавир: они западают уже задевают друг друга. Деревяно попадает недостаточно просушен-

ное, и нужно два-три месяца, пока весь музыкальный организм обобрится, обожится и сможет давать полную свою проектную мощь.

Цена пианино—от 2240 до 2600 рублей, рояля «маленького» и «малого кабинетного»—3400—3800 рублей.

Через год они будут и дешевле, и несовершеннее, лучше. Но и сейчас не в первом своем соседстве—культуарам вроде немех. ЭИС или избыток спортивного, пианино и роялю советской марки есть чем похвалиться. Конечно, это еще не инструмент для виртуоза, — Борковский или Обори на нем играть не станут,—но для всестороннего порочения он вполне пригоден.

На заграничных фабриках толстают сотни безработных инструментов, вероятно, ардией успешно выделают из музыкальной истории Рубинштейна и Менделеева, но известно, что история проклад, а история отстает. В том числе история неизбежно расцвела социалистической культуры. Николай Иванович Бутово, доцентный заведующий «отделом муз» Мостора, вряд ли считает свою хлопотную должность в какой-либо степени исторической. Какая там история, если овать из Октябрьской дороге потеряли екалудие на десять мте, а покупать же!

Рабочий-покупатель нетерпеливо ждет пианино!

Вместе с Тоней и все семейство увлекается музыкой...

РАБОТА НАД ТЕКСТАМИ

Из беседы с начинающими писателями

Когда я начинала работать, писать рассказы, я, бывало, на 2—3 странички напишу и рассказе somehow полагаю слово, но не дам им достаточно воздуха. Я прочитывала слова вслух, стараясь, чтобы ритм был строго соблюден, и вместе с тем так уловляла свой рассказ, что нельзя было перевести дышания.

В рассказах молодых писателей, которые я прочел, дело обстоит лучше.

Рассказы эти хороши тем, что написаны просто. Здесь нет претензий, вычурности, но стила своего, молодого, удара и страсти мало.

Я считаю, что нужно было подходить описать фабрику, больше показать ее специфику, для того чтобы ощущалась присущая ей атмосфера. Поэтому, не надо изумляться фразой всякими техническими словами, по ритмичной расстановке жизни следует называть больше ярко.

В описании у автора какие-то не свои слова, не им рожденные. Такие же фразы мы уже не раз читали.

Возьмем, например, такую фразу: «Дымился своим топаком». Ведь это уже было сказано, я уверен, что автор не продумал этих слов. Он не вспомнил, как следует описываемому им вечеру, его газету, небо. А если бы он подумал об этом, слез бы попустошавла всю красоту вечера, то нашел бы неповторимые слова для его описания.

Я вовсе не говорю, что нужно изобрести такое слово, авторам можно опорожнить читателя. Я вовсе не требую особой вычурности, такой, чтобы все ахнуло и скажало: «Нельзя, мол, такое, чего никто другой не придумает». Но нужно изменить авторские образы или дополнить их своими словами.

Мне не нравится и такая фраза: «Миласино выругала Тоня подругу» — так уже много раз говорили.

Русский язык еще сыроват, и русские писатели находятся в смысле языка в более выгодном положении чем французские. По художественной ценности и отточности французский язык доведён до предельной степени совершенства и тем осложняет работу писателей. Об этом с грустью говорили мне молодые французские писатели. Чем заменить сухость, блеск, отточённость старых книг — разве что шумовым оркестром?

Мы не находимся в таком положении. Нам следует искать страсти, но простые и новые слова.

А вот такая фраза: «Миласино выругала Тоня подругу» — несомненно, встречается.

Возьмите Горького. Изучение его важно, оно много даёт для понимания техники рассказа и новизны. Я говорю о Горьком не в том смысле, что ему много можно подражать, а потому, что он создаёт рассказы, которые при слабе с ритмом нашей жизни дают изумительные результаты.

Возьмите его маленькие рассказы в повторы — для сравнения: они четки, легки как песни. Кто помнит его рассказ «Едут»?

Рассказ «Едут» очень короткий. Всем надо его прочесть. Но вернемся к Меньшикову.

Вот у него такая фраза: «Колхоз вырос увеличен и спорю. Слова уверено и спорю», может быть, и хорошие слова, но в данном случае они становятся лишними, общими.

Учём идет о рассказах начинающего писателя Меньшикова.

Иан вот такая фраза: «Пронюхала, проанюхала революция». Я люблю новые слова, но это слово какое-то неуловимое, неудобное.

Или такая фраза: «И вот тогда произошла...» Это не раз повторялось, затрещало. Я должен сказать, что мне в этом рассказе больше нравится то, чего в нем нет, чем то, что в нем есть. В нем нет положительных качеств, и это чрезвычайно важно.

Я опять вернусь к Горькому. В основе его статей о литературе лежит борьба с пошлостью, являющейся в наших условиях, в условиях нашей литературы, могучим оружием правды был сам слез.

Мне очень нравятся мысли, желания и устремления сделать достоянием миллионов людей. Но если слова и фразы затрещали, если у автора нет мужественного отношения к словам и фразам, то они превращаются в слезу, отравляющую наше сознание. Это важно помнить.

Наша литература непохожа на западную, в частности на литературу Франции. О чем там пишут? Полюбил молодой человек девушку, влюбился из этого не вышло. Хотел работать — тоже ничего не вышло. В результате затрещали.

У нас пишут не так. Нашему автору — о чем бы он ни писал — совершенно ясно, что дело идет о величайшей передаче людей, о ломке старого мира. И, о чем бы он ни повествовал, он будет говорить именно об этом. А об этом нельзя говорить просто, что, как, и сколько, часто бывает.

Если о революционных слезах говорить разухабисто, без чувства ответственности, то тем самым можно только помочь контрреволюции чувства.

Вот этот пример в рассказе Меньшикова нет. И это очень хорошо.

Но вместе с тем у него много милового, нет удара, нет истощения, внутренней мускулатуры в словах. Мы здесь не видим вычурности, вычурности, не видите осноров вод его словами. Они падают на поверхность.

Я оптимист в области литературы и уверен, что мы дадим еще невиданные произведения. Они рождены на основе совершенной интеллектуальной со страстностью, с ритмом нашей жизни.

Нам нужны теперь небольшие рассказы. У десятков миллионов новых читателей душа мала, и поэтому они требуют небольших рассказов. Нужно помнить, что у нас сейчас пишется слабо. У дамских авторов еще не затеет температура и своих рассказов на 300 страниц. Получаются десятки тетрадей, написанных механически.

Меньшиков о. Скажите, каким путем вы избавлялись от литературщины? Как вы находили свое лицо?

Бабаев. В детстве я учился плохо. В 17 лет мне было «начало», я стал много читать и учиться. В течение одного года изучил три языка, прочел много книг. До сих пор я в значительной степени пишу этим путем.

Теперь настало время коренным образом это багаж обновить и дополнить. В ваши дни из писатели, мало знающего, полагающегося на интуицию, нечего не выйдет. Конечно, работа о самостоятельности писателя должна быть постоянной.

Только теперь я начинаю подходить к профессионализму. Проще чем что-нибудь написать я освоился себя. Но надо прибавлять и отнимать тысяч написанных плохих страниц еще одну страницу голыши.

И. Бабель.

Вы спрашиваете у меня: можно ли написать рассказ в короткий срок? Если вы, например, сейчас скажете: «Поезжайте во Францию и напишите о ней очень быстро хороший рассказ», — вы, вероятно, этого сделать не сможете. Но если бы у вас был определенно сложившийся взгляд, жизненный опыт, собственная оценка явлений, вы бы смогли написать такой рассказ.

Представьте себе, что Ленин, который не являлся специалистом-писателем, поехал бы исследовать быт какой-либо американской народности. Он пошел бы в рабочие кварталы, на фабрики, заводы, в банки, в исследовательские институты и проверил бы свои, всецело языком интеллигентный, мысли и убеждения, и именно под этим углом он написал бы так же блестяще об опыте какой-нибудь народы, как писал и другие, знакомые нам исследователи.

* Меньшиков о. Как вы пишете: сразу, или работаете походу над каждой фразой?

Бабаев о. Репинье я как бы декламировал фразу за фразой, проверял все вслух, потом садился, писал без помарки и сразу же слал в редакцию. Все пролегло мои рассказы, которые вы читали, написаны без помарки, можно сказать, по памяти. Потом я узнал метод. Вот пришла мне мысль, и я ее написал. Затем надо было отладиться. Проходит 2—3 месяца, потом я из возвращаюсь, и так это иногда несколько раз продолжается. У меня особая декаларация любви и предельная. Есть такие люди, которые пишут ведр и больше не могут ее видеть. У меня иначе: написать мне трудно, а переделывать нравится.

Все то, что я говорю сейчас, можно, конечно, принять и скепсису, а работать каждый должен по-своему. Я знаю людей, которые могут писать только при абсолютной тишине. А вот Яков Оренбург любит писать на вокзале. Это все равно, что работать рядом с шумящим автомобилем. Все лучше, что Оренбургим создано, написано в кафе, куда он приносит какие-то узоры. Впечатлений образцов высшего профессионализма и стила я работаю без Горького. Вот у него, мне кажется, у него было.

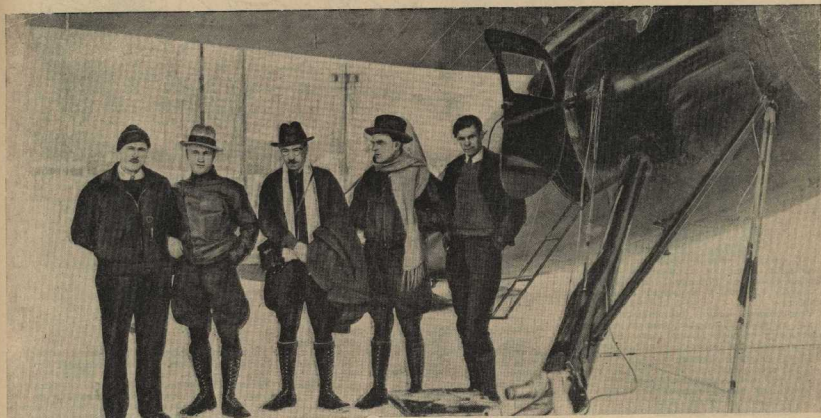
Почему и мало печатал в последние годы? Все старался переосмыслить себя, научиться писать длинно. Зарядка была горькая, но непривычная. Теперь вернулся к самому себе и выбираю на грядущий авторского материала (у меня хватило вкуса, это не считать) только.

Работником в области литературы хитро — дело не простое, а сейчас в особенности. Нельзя выжить новое вино в старые мехи. Идем, рожденным прелетской революцией, идеям нового человека, стелю в кадреины Баранчиня, Рязинова или Потапенко.

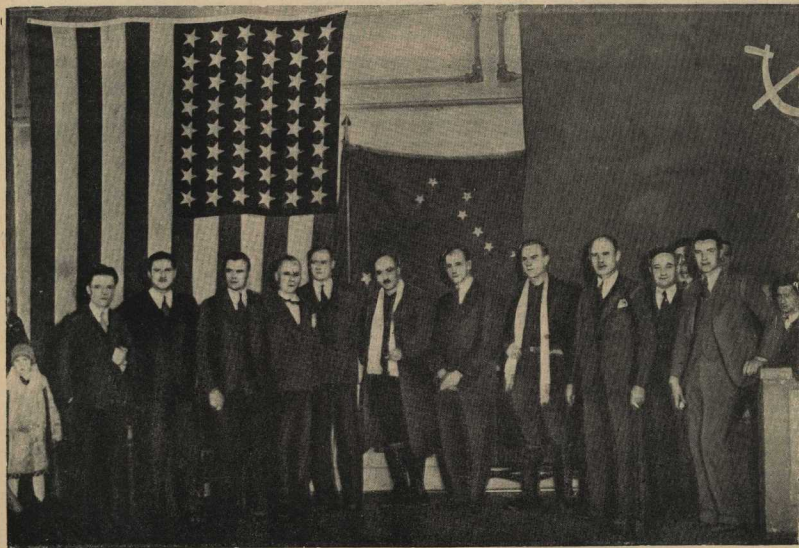
Надо упорно работать и над формой и над содержанием, памятуя о высочайшем звании писателя в Советской стране.

Г. УШАКОВ, М. СЛЕПНЕВ и С. ЛЕВАНЕВСКИЙ

В АЛЯСКЕ НА ПУТИ В ЛАГЕРЬ ШМИДТА

У самолета Слепнева перед вылетом. Слева направо: известный американский летчик Дино Кроссен, М. Слепнев, Г. Ушаков, С. Леваневский

Банкет в честь отважных спасителей челюскинцев в Фербенксе (Аляска). В центре, на первом плане: М. Слепнев, Г. Ушаков, С. Леваневский

Рис. А. МАЛЕИНОВА

А. ХРОНГАУЗ

СТЕРЯНЫЕ ПЕСНИ

В центре Гаалты, в игорном притоне белых выигрантов, оставила неудачливого хулиганста Симона Ивановича Невзорова. Алексей Тогостой рассказывал об этом в блестящей своей повести «Инукус».

Вынужденный особыми обстоятельствами, Невзоров, де-Незор, Наварраж (фамилия менялась в зависимости от обстоятельств) зашла перед маршом по настроенной публике.

«Я вошла к дивитиу
И к специалисту,
Чтоб он мне вставил зуб.
Трампа, трампа, трампа!
Дивитиу был очень смелый,
Он вставил зуб мне смело,
И вызял за это руп!»

Выступление Невзорова состоялось в 1921 г., в дни белой эвакуации. Улетел от нас в Белогоринские казаны ирландий и ирландий мотни, стерились пошлые слова. «Иные люди звали иные песни...» «От тайги до британских морей» прошла беспощадная борьба двух классов, двух миров. А в каргайском клубе колхозной молодежи, в светлом клубе — детстве советской культуры — гремит и скрежещет расклябанный, потерянный в дни белой эвакуации мотни:

«Трампа, трампа, трампа!
Скажите мне, папа:
Ах, почему мама
Уехала сама?»

В сияние восточные ночи слетаются с окраин К центру села душевные песни. Гортанным голосом и запевает девочка «страдания» и «чужины». Поконому потр парня о любовной дивитиу:

«Я влаточку свою
Работать не заставляю,
Сам я вичу истолую,
Самовар поставлю».

Молодая женщина выводит тонким голосом песню о вредительском разведчике Рамзине:

«Едет Рамзин по дороге,
А телега без колес!
«Ты куда же едешь, Рамзин?»
«Разспрашиваю про колхоз».

Женщина приотпывает и всматривалась выкрикивая: «А телега без колес!» И слышится в этих всматривавших слова уверенность в том, что все дойдет Рамзину до своей черной цели.

А в клубе колхозной молодежи скрежещет старая пастышка:

«Трампа, трампа, трампа!
Скажите мне, папа:»

Из домов с резными карнизными, с петухами на крыльях, окрашенными медянойкой, из радужных кулачных горниц пришел эти пастышки в набычкочку, в красные уголки, в клубы. Кулачское имущество, ставшее колхозным, несло на себе родине пятна своего класса. Граммофонную пастышку со стертой надписью пионеры ставили на портранный патефон — точную копию заморской востролом, и значней протрадиционный бас влетал над изумленным людьми:

«Христос воскрес на мертвых,
Смертию смерть поправ!»

Они мотали, эти пастышки, увеселеным стопами в кафе-питейных, в клубе, в культурной чайной, в домах сельских активистов. Песни, рожденные линой культурой царизма, вымлетают за граммофонов и патефонов на улице — и вот уже комсомолка поет очень грустно:

«Дарю тебе собачку,
Прошу ее не бить.
Она тебя научит,
Как мальчиков любить...»

— Марфуша, какую песню ты любишь больше других?

— «Ах, зачем эта ночь так была хороша...». Никак приносит свой альбом, и девушки вместе читают выиспанные и немые строки, записанные на слух с пластинки, с пролуфами, содранными граммофонной иглою словами о душевных переживаниях какого-то корнета, о помещицкой идеализированной грусти.

В ее альбоме самые любовные песни и стихи. Девушки переписывают их друг у друга, расширяют принажж ребят о городских песнях, сочиняют частушки и «страдания» на местные темы, рассыпают стивки в потертыхнх хрестоматиях. Эти альбомы заменяют девчатам пестышки, которых на рынке нет. В каргайском клубе заводят «Трампа, трампа, трампа», а девчата выбирают из альбомов с цветочными слезине и безкусные песни. Только марзидка вращается в этот репертуар живая частушка, классическая песня, боевой дальносточный марш.

Интересы и характеры подбор песни в альбоме одной девушки:

«По колхозам по загорам», «Князя Будного», «По морям, по водам», «Кириничи», «Ты знала еще, моя старушка», «Как в саду при долне громко шел соловей».

Затем начинается поток ультралюбобных песен. Переписывают их девушки друг у друга по давню укоренившейся традиции. Они называют повсеместно «душевными» песнями. Поют их медленно и горьково, неподвижно глядя перед собой.

Тут и печальное происшествие, когда в его глаза уже глядят другие, а ве, а посему серого трепетит, и струятся слезы. Тут и описание мучи и тяжести разлуки по случаю отъезда милоду: «Ах, зачем же судьба нас слала», Тут и «отчужденные, и алоба, и лодь» разделяют вечерных влюбленных: «И улыбки своей ты не встретишь мой взгляд, и тошки тв мой не поймешь».

И со всеми этими предостен мирно сосуществоуют разнзанные и пошлые романы, написанные принажино в похабно. Размывшая пути, по которым проинил в колхоз эти песни о сравнении одевя в аллеях злогошного сада, о томных борнцах, митущихся в грусти от одной женщины и другой, удалось установить, что песни эти остались на память колхозу от местного помещика фон-дер-Лауница.

Но, к счастью, самодельное стивотворное искусство отнесено значительную часть этой пошлости и похабщины. Любовные частушки, которые можно услышать каждый вечер в Каргайнице, отличаются чистотой, мягким юмором:

«Через рекуку быстро
Я восточке вострому.
Ходи, милая, ходи мой,
Ходи летом и зимой».

«Шла милому крест—
Вышла рукавица.
Моя милая поехала:
«Как ма мстерца!»

«Меня солнышко не греет,
Не волнует меня кровь.
До чего ж она доводит,
Встречающихся любовь!»

«Эх, милашка дорогой,
Готовь да палочка,
Ты теперь же для меня—
Даа моя и точка».

В альбоме Марфуши, в блокноте начинающего комсомольца Ивана Чувамова—огромная пестышка, в которой они разбираются с большим трудом. Но черты новой морали незаметно для них проникали в быт, на вечерники, в хороводы, в эти самые устаревшие самодельные песенки. Измененная революцией частушка поговаривает, насколько выросла деревня для настоящей, культурной песни!

Звонкий человек, тракторист, появившийся в деревне, и девушка поет:

«Тракториста любить —
Начо часто молить.
А разрукою такой
Не полюбит никакой».

«Ах зачем эта ночь так была хороша...»

В любовный частушечный мотив влетаете обстоятельный подход:

«Моя милая женщина,
Полобляе хулаю,
До него я доберуся —
Он заилает трепаном.»
«Ты, мой милый узакор,
Облганый кунин,
И тогда меня, девчонку,
Ты полюбуй полюбоя.»
«Пятиэтажа—она
Пятиэтажный план.
Не хочу я жить одна,
Ухожу в колхоз, Иван!».

Но не надо преувеличивать значения частушки: она не может заместить более сложных бытовых сюжетных песен. Тяга к беспредельной печали, к слезной лирике, к песенному описанию драм и убийств посылалась в деревню чуть ли не столетиями.

Интересно исследование вкусов молодежи Каргазиня в этой области. Приводим наиболее популярные песни.

Сюжет «Прощай, мой сныг определяется первым четверостишием:

«Прощай, мой сныг,
В страну чужую
Ты уезжал, Бог с тобой!
Остань мать слою родую
С ее печалью судьбой.»

И дальше сажают утраченные печальным напевом коломбиня жалобу матери на свою судьбу. Сныг был ее единственной отрокой и надеждой. Мать сидела у колхоза сныг и мечтала о том, что он будет ее опорой. Но «он ушел в страну чужую, и мать одна в хрюю родом».

Единственная «старуха» фигурирует во многих популярных и трагических песнях каргазинского колхоза им. А. М. Кавказовича. Даже в песне о девичьей женитьбе, побившей честного парня на зоревости, сын обращается к той же самой болящей маме:

«Он заболел в девчонку, которая его завела на различный способам. Ей нужны были наряды и балы. Она требовала от скорбного героя денег и заставила его пойти работать. Только тогда раскрыла она свои обиды. После этого, как полагается, шаманское лилось рекой, а под конец герой попал в тюрьму.»

После освобождения он обнаружил злостную измену. И вот:

«Сача догорает. Моя жизнь немая,
О милая, добрая мама!
И вот, я родился попочить с собой.
О, спасибо попочи и маме!»

Если бы определять этот пезальном фольклору свойства «русской лютни», можно было бы прикати к зыводу о сплоченной, массовой удалочности. К счастью, безыскусность рассеивается множественностью ритмов и остротными резкими частушек и прибаюток.

Но сначала об этой самой «смертельной лирике».

Тяга к трагическим песням прославилась в деревне много чуждым песню.

Чего стюто, например, знаменитый «Соловоукий хор у Илаз»:

«Но судья несправедлива,
Как она бивает ама!
Завела где-то присутствалась,
И бедняжка, померла!»

А вот подкованные популярной когда-то булавочной песне «Коломбина».

В своем небольшом городе жила с родным Коломбина. Сначала все было благополучно, но в 17 лет она начала хуагинить. После этого она, как полагается, страстно влюбилась в хуагинца, так что жеть без него не могла, а он, являющийся негодяй, закрутил с другой. И тут она наиклада ему вежнюю записку:

«Перед мезо лежала записка,
В ней записано несколько строк:
Диня, ты больше меня не угадишь:
Я вывела на соруде курок.»

Но главная трагедия еще вперед. Тут без вскливания угаживая публики никак не обойтись. Благодарю стюто и героизм хуагинца Диня не знает границ:

«Целовае се бледные губы
И тыжною ревертер достал:
«Будем вместе лежать, Коломбина!
И, простреленный, на пол уапа.»

Со смертельными концами и другие песни, например:

«Как на кладбище Митрофанова
Отцу дочку зарвала слою...»

Эта песня поется на мотив «Кирпичиков». Вообще «Кирпичикам» особенно повоело. Дескать полжизни «та оправание зияе-то города» летает по стране. В Каргазине хорошо знают, кроме озор-

ных «Кирпичиков» и «Кладбища Митрофанова», еще два варианта:

«Поработала я, привадуама!
Надо было бы раньше смотреть
Вот за губкой-то, вот за маме
Мне придется платить одну треть.»
И еще один:
«Но да выстрела повторилась.
Алая больше бежать не могла,
И глаза ее тут закармлила,
И ушла тут Алая мертва.»

Дюбоная лирика перекладывается здесь с явно бандитскими сюжетами.

Романтика бандитства и хуагинства с ливной пор, со времени сканового русского мошеника Вавиле-Кавила, коучет по российским горам и деревням. Молодежь любит острый, приключенческий, необычный сюжет. Горская хуагинская песня возмалась как протест в монотонную жизнь старой деревни; она не встретила соперничества и крепко врезалась в быт. Так, через десятилетия проникла в колхоз песни о хуагинце Араике.

Хуагинца здесь в этой песне как герой, пострадавший за идею. Он, видите ли, законченный, классический хуагин, но дерется без ножа, и этим возмущает неизвестный автор песни:

«Но Арикеа напала дротие хуагинца:

«Арикеа анула бутылку,
И стаа он дарталась ей,
И в гуаду смь возилан
Четырнадцать ножей!»

И вот герой песни Арикеа всклиывает на позавочна:

«Извозчик, за полатину
Вези меня скорей!
И хуагоу иставлю
От фисских вывильде!»

Последние строчки поются асерья и с арикео в голосе: «Бедный Арикеа, пострадавший за идею!»
Впрочем, о хуагинской романтике проникли в деревню новые песни. Излюбленные хуагинские, трагические мотивы еще остались в этих песнях, но хуагин в них уже не является героем. Неизвестный автор считает его эпизодом и негодяем.

Показательна в этом смысле песня о чубаровцах:

«Про историю, про кошмарную
Я хочу вам сейчас рассказать...»

После этого описывается в жалостных тонах нападенье лиловских хуагинтов на девушку в Чубаровом переулке.

В конце концов, устах песня поднимается до положительной трагичности:

«Скоро кончился издательство,
По утам разбежалась шпана,
Только девочка без сознания
Продолжала вальситься новой».

Здесь мы видим отражение новой морали в фольклоре этого трагического периода: она не может заместить баллады об идеализированном хуагине Арикеа.

И тогда в успешную борьбу за популярность среди колхозной молодежи вступает душевная драматическая песня. Мы дознаем, по заборным шад дивания вперед. Ее привнесли в каргазинский колхоз демобилизованные красноармейцы и моряки. Она на немногие—эта песня по-настоящему задевает чувства людей. Она проникает к людям без посредников. Любовь к романтике, тягу к лиричности она направляет в большинство сторону:

«И останутся как в сказке,
Как милающие огни
Но Штурмовые Юны Спасска,
Почувствовали дин...»

— Зачем ты, Отче наш ставил?
— А это из наших пластинок, сама революционная.

Но одна хорошая песня есть в арсенале советской поэзии и музыки: отличные стихи Белого, Маяковского, Лермонтова, Асеева переложены на музыку вымифологизированными композиторами. Многие из них могли бы вытеснить безыскусную, бездарную и безмысленную лампифолажную, победить пошлый романс. Большинство культура оставляет прошлым классические песни, о которых говорил А. Косарев. Они могут помочь советским композиторам и поэтам завоевать массы.

Но мы обявляем всевозможные конкурсы на новые песни и забываем о том, что у нас уже есть хорошие песни, неизвестные рабочим и колхозникам.

Нельзя забывать о созданных и потерянных песнях. Большая работа советских композиторов и поэтов так из них и вышло издательство баллады для нас классической песни часто теряться в безвоздушном пространстве. Этих песен не знают, этих песен не поют. Они умарают где-то на нескольких плаках, в переплетенных для истории комплектах, в запечатанных вышках.

О бедларой работе людей, выпущенных в лагерь и в пещерники, говорилось бесчеловечно много. Пора врать и этим людям с амушными песнями, и до тех пор не давать им самоуспокоиваться, пока посылочка и пластынка и изюблина не появятся в стране.

Мало еще этих хороших, новых песен. Тем бережнее их надо собирать и хранить. Пока еще неизвестночисленные удачи советской музыки и поэзии не могут удержать огромной жадности и пестроты. Работая над этими песнями, мы обязаны прислушаться к голосам Маршутки, Нины, Николая.

Они любят лирическую теплоту, жизненную трогательность, сюжетную заинтересованность. Если ребята не выйдут всего этого и живых песен, они возмущаются за песню чужие. Вель во мистике из них, отгравировав нами, стю и заинтересованы, и лирика, в чувство.

Полезно будет вспомнить напоследок такую картинку.

В забочитальном поало. Тишина. Играет патефон:

«Гори, гори, мой звезда,
Гори, звезда привитая.
Ты для меня одна, светлая,
Других не будет никогда.»

Записыва эта песня на старинной пластинке лет двадцать пять назад.

Диск патефона остановился, но все сидит в молчании. Каждый думает о своей звезде; и старушка-колхозница, и комсомолец, и начальник полконтротаела МТС.

Это значит, что надо создавать лирические песни не только для обязательного хорошего исполнения.

Дело не только в том, чтобы выслушать пластинки и песенники и довести их до молодого рабочего и колхозника,—наши песни должны ирскать за душу, трогать, волновать, иначе они рискуют потеряться в безразличестве, а репертуар Маршутки не изменится.

ВОДОЛЮБ

МИХАИЛ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОЮЗА ССР

Отменяя безприемную героическую работу летчиков, осуществивших спасение экипажей, Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР постановляет: Присвоить звание Героя Советского Союза—Литвицкому А. В., Левинскому С. А., Молдасову В. С., Камелину Н. П., Слесневу М. Т., Володькову М. В., Дороницу И. В.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОЮЗА ССР М. КАЛИНИН
СЕКРЕТАРЬ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОЮЗА ССР А. ЕНУКИДZE

Москва, Кремль, 20 апреля 1934 г.

Михаил Володьков—герой Советского Союза.

Это было у берега Байкала...

Люди, подбывшие к месту катастрофы, увидели обломок самолета и возле—алюминию кровлю пилота. Его перевезли в вернувшуюся больницу. Хирург нашол восемнадцать ранений и отказался оперировать. На раненую голову и раздробленную челюсть пилота наложена повязка и отправлен его в Москву. И вот в один из весенних вечеров по Зубовской площади промчался санитарный автомобиль с несча в переезде, где помещается Протезный институт.

Пилота положили на койку...

Какой путь прошел этот человек, чтобы из боевого деревянного истребителя стать героем Советского Союза, мировой известностью? Михаилу Володькову было шестнадцать лет, когда на знаменную крышу белгородской избы в деревне Студенки, плывя еще на всю жизнь, обрушился гуд мотора. Грудобойный стук гонимых слезами слухом дома, заволашало ему набу и подыскать несущую из дожившей семьи. Но случалось так, что в самый день сморгин в байкальский город Анисец прилетела двадцать два самолета.

В тот же вечер Миша убежал в город, оставив несущую в обиде и испуганной. Амальгаму принадежда воздушному движению «Ильи Муромца». Миша попросился в добровольцы. Красноармейцы потренировали по плечу ошестометрового деревянного парня и с готовностью поставили его уборщиком крмала. Так пришла Миша и самолету. Он чистил крмала до колючего блеска, сразу позабыл о деревне, о собственной хате и о несчастье. Им овладела одна мечта, одно желание,—подружиться с летящим мотором, подружить его. Но дружба с мотором скоро оборвалась—в тот день, когда пришлось сменить трапизу на антивитку и уйти в бой с Врангелем.

Из походов гражданской войны Миша больше боялся авиации и еще более охрипше влечетесь писать мудрому механику летачиков птиц. Путь к мотору шел через дрихалый автомобиль. Разобрав по косточкам мотор этой немощной рухляди, Миша поступил и летучий-оравозомоничу Паулю на ремонт авиационных моторов. У него он прошел хорошую школу бортмеханика. В 1928 г. самолочка-бортмеханик Михаил Володьков проходил еще гражданскую летную школу и с тех пор становится настоящим, квалифицированным пилотом. Он начинал работать в сельхозавиации: онцает соломные поля от вредителей, один прогоняет полевых саранчи и весенним утром промывает на поля золотые дожди пшеницы.

Перейдя на пассажирский самолет, пилот первые свои рейсы прокладывает над малоназванным краем Союза—Дальним Востоком. За немногие зимние месяцы он без единой аварии покрывает десятки тысяч километров, летает по специальному заданию, над туманным Океаном морем, провозит разведки морского зверя, выгружает экспедиции НКПС, ежедневно рискуя жизнью. Но риск этот—не проваливание любви и «слезодорожки» или воздушного «ухарства». Риск для пилота—наилучшая практическая школа техники.

На одностороннем самолете «Юнкерс-В-33» Володьков совершает перелет из Москвы в Хабаровск в рекордный срок—в 41 летний час. В том же году пилот совершает блестящий перелет из Хабаровска на остров Сахалин.

Обитатели Сахалина и по сей день вспоминают о релкой отбоя летчика, впервые переделавшего и ним с далекого материка на удивительной серебряной птице.

День, когда Володьков прилетел на Сахалин, открыл первую воздушную дорожку на этот остров. В своем письме Володьков как всегда скупо сообщает, что ему «посчастливилось» прополететь лигину из Хабаровска на Сахалин. Но это счастье принес ему не случай, а длительная тренировка в слепых полетах, опыт, воля и знание техники.

Тем же утром пилот он вылезал эту удачу. Отважники из Оди—деревенского района Сахалина—молнией в Хабаровск о вспыхнувшим пожаре. Володьков вынуждается лететь на разделение огня. Не зная маршрута, без обзорных ориентированных площадок, в неблагоприятную для полетов погоду он покрывает расстояние от Хабаровска до Никольска на Амуре в рекордный срок—в 3 часа 47 минут, а оттуда продолжает свой полет в Александровском тракте. Вышедши в старые зипольские леса, находившиеся на

«После освобождения отдал Володьков свой обороте этого снимка».

борту самолета Володьков, бмы парализованы исключительно подвигом летчика. Три раза он пытался добраться до Оди—в все три раза ветер отбросил его самолет в сторону. В четвертый раз он буквально провалился сквозь толщу слоев облаков.

Равсала пилота помогла в короткий срок прекратить пожар.

С Дальнего Востока пошла слава об отаве Володькова. Он привлек к заслуженной славе—она его возмолва. Покрывать рекордные скорости стало для него обычным явлением. В один сутки он летит из Хабаровска на Сахалин и обратно, пройдя 2 тыс. километров в 8 летних часов.

В 1931 г. в разгар зимы, пилот получает задание—нагнать самолет «В-13», вылетевший из Новосибирска в Хабаровск. Володьков принимает это задание. В 52-градусный мороз он летит по руслу Агари, между высокими скалистыми берегами. Но встречный туман у Байкала прекращает ему путь. Он пробует вернуться, но высокие берега не дают ему повернуть самолет. Селая стремительно несущая ему навстречу. Ветер рвет его машину, толкает на скалы. Но пилот вовремя выводит самолет на бурьян и видит его вострую по руслу реки.

На хабаровском аэродроме не ждали прилета в такую погоду и не приготовили знаков для посадки. В ожидании этих знаков пилот в суровый мороз долго кружил над аэродромом.

В 1932 г. Володьков снова совершает перелет из Москвы в Хабаровск. Еле успев вернуться, он опять получает задание—нагнать экспресс, вышедший из Москвы на Иркутск и усиленный уже пройтой около 5 тыс. километров. В экспрессе тот лет до Владивостока пассажира, которому необходимо передать важные правительственные документы.

Володьков не только нагонит экспресс, но прилетает в Иркутск на целые сутки раньше него. Расстояние до Хабаровска он покрывает в 39 часов.

В 1931—1932 гг. Володьков проработал в особом аэродроме «Правды» по перевозке матриц. В боевом кармане кителя он постоянно носит золотые часы—награду «Правды» за бесперебойную доставку грузом. Но пилот снова потянулся в дальние перелеты. На этот раз он зимой летит из Москвы на Камчатку. Перелет этот он намечает совершить в кратчайший срок, но по дороге происходит задержки аэродром по пути авиалайнера с авиаремонтной бригадой. Но пилот не теряет ни мгновения и назначенный пилотом рекордный срок. И, чтобы не верстать время, нагнать полет хорошей погодой, пилот, не выспавшись, летит дальше.

И он не знает, он доныне не помнит, как же это случилось, что спустя несколько часов после вылета из Иркутска у восточного берега озера Байкал люди нашли разбитый в щепки самолет и двух заживших кровью людей. Один из них—Володьков—был дрихалый бортмеханик Сергей замера в сидимом положении.

Из верхушечной лобной доли, куда перевернул Водопьянов, он поручил послать в Москву срочную телеграмму о том, что «потерялся авиарио, получив незначительные повреждения» и просит дать распоряжение Иркутску о предоставлении машин для продажи пилотам. Эту телеграмму, однако, никто не отправил, потому что на сей раз пилот ошибся: «незначительные» повреждения оказались настолько значительными, что, пролежав несколько дней со льдом на руках, он был отправлен в безвзвешенном состоянии в Москву. Рана на голове, раздробленная челюсть и множество ран на теле — их было семнадцать! — таких бед искушают этой порой и его близкие авиарио.

В Московском пролетарском институте пилота «починили». Он долго лежал закутанный в белое марлевые бинты, но имел возможность ни ступить зубца, ни раскрывать рот. Бранчи-протезинга отпоясывали ему куски челюсти, куски эти соединяли металлическими частями, и челюстью привинчивали зубцы. Только после двухмесячного лечения к Водопьянову вернулась речь, но, чтобы говорить, надо было еще придерживать рукой челюсть. И первые его, еще невнятные слова были о своем повторном полете на Камчатку.

— У тебя, Миша, не рот, а дыра издустрия, — шутила ребята в санатории. — Рано думать о полете.

Но в конце лета, когда медицинская комиссия признала Водопьянова «годным к летной работе с использованием искусственных челюстей», он с радостью принимается летать и снова совершает дальние перелеты в Иркутск и Ташкент.

Во время XVII партсъезда Водопьянов переночевал втроем «Прованс» в Ленинград, обрабатывая их без посадки и возвращаясь в эту же ночь обратно, в Москву. Каждый такой беспосадочный перелет продолжался семь часов, и утром Водопьянов, вскакивая, возвращается из аэропорта домой, хвалясь перед женой:

— Ну вот, и матрицы отвел и к обеду не опоздал.

В один из таких полетов Водопьянов перевернул в Ленинград матрицы с речью товарища Сталина.

В феврале 1934 г., узнав о гибели «Челюскина», Водопьянов вылетел в незакомую, пустынную Чукотку.

Москва и Камчатка,

Ташкент и остров Сахалин, Дальний Восток и Чукотский полуостров — эти скважи стали обычными для Водопьянова как и для многих летчиков Советского союза.

Но 1934 год вошел в его жизнь самым необычным, самым потрясающим полетом.

Путь на историческую грядку лагеря Шмидта лежал через скалистые берега, через горы, высоту которых достигала дух с полонинной тысяч метров, через такие местности, где не было спускательной широкой тропы, на которую можно было бы сесть. Водопьянов летел по этому маршруту впервые. Его самолет принимали на метровые торосы и обледеневшие ступицы, его в Камском сибирском горном, мало пригодном для трактора. Но он смело поднимался над Андырским хребтом, руководствуясь лишь компасом. Его аккомпанемент — «П-5» — обманывает его надежд и трудом. Бессонные ночи, проведенные пилотом на аэродроме в работе над землями оборудованным своего самолета, себя делом оправдывают.

«Нельзя не поздравить Водопьянова, — писал из Арктики его соратник, летчик Дорониин. — При аэрозе в 40° он летит по-мошскому: в часниках и кожаном пальто. И в продолжение шести часов не мерзнет! А мы, имея поларное оборудованное, стнем. В навигационном отношении его самолет оборудован по последнему слову техники. Потерять видимость — для него не угроза».

Водопьянов (впосредии) на химической борьбе с саранчой (Северный Кавказ)

Приветов на мыс Северный, Водопьянов без отдыха и сна тут же вылетает один в лагерь Шмидта и спустя 45 минут омытым глазом уже наезжает на белом льдом поле красное пятнистое флаги.

Он в этот день летит два раза и снимает со льда семь человек. На следующий день вместе с Молоковым и Камышиным он снова летит на льду, чтобы вывести последних последних тероев.

— Процандный круг над лагерем. Он долго будет реветь под ледяным ветром, повсюду о социальстическом безстрашии и отбеге тероев Советского союза!

На первом снимке: Водопьянов в марте 1921 г. при своем поступлении в «Дивизион воздушных кораблей „Илья Муромец“». На втором снимке: Водопьянов в 1929 г. на Северном Кавказе совершает экскурсию на ишане. На третьем снимке: Водопьянов волея своего дома с годовалой дочерью Верой.

Б. ЛЕБЕДЕВ

ПЛАЦПАРАД *

Оплет на плацу муштровали солдат —
Час, два, три...
«Убрать животы! Не выплывать за!»
Аты! Два! Три!
Сам герцог выходит, окончив прием:
«Аты, два, три!»
Ботфорты злоедеце свергают на нем.
Раз, два, три!
За ним, поднимая вымучу на ходу, —
Аты, два, три —

Вербоидици-англичанце идут:
Они, два, три...
Им
мисо пушечное
жувано:
Тониа, две, три,
Готовые выставят пуд жукем
Год, два, три...
Солдата они замкнут в круг:
«Аты, два, три!»
Товар покупают из первых рук —
Раз... два... три...

Минута как вымши наприлсна...
Миг... два... три...
Солдат говорит: «У меня... жена...
Старшему только три...»
Но у высочества, кроме жены,
Одна, две, три...
Для них аудиторю ему жукины:
Сотня, две, три...
Высочество бьет его по щекам —
Раз, два, три...
Сдаст его на руки вербоидицикам:
Раз... два... три...
В Америку в трюме ламны, солдат,
Дель... два... три...
По бледным щекам его
слезы скакуют:
Одна...
две...
три...

* Из поэмы, рисующей Германию XVIII века.

Г А Н Н А

Наглухо глаза закрою —
В стан бригадный под горою
Ветер дует во всю ночь.
На зрачках, на веках, что ли,
Вспыхнет ночь. Ночное поле.
Поле. Полевая ночь.
Стану я ходить с опаской
По земле. В такую ночь
Крепче душу притворю
К телу! Северокавказский
Ветер дует во всю ночь!
Вот бы ветрик мелкий
Словно перелетчик-пад
По ветру летел полям.
«Так и жди, что случит, сеннет,
Каково же там, на льдине?» —
Схватит хлопек у руля, —

«Их со всех сторон могилла
Ледяная окружала,
А живут, не ждут бед...»
Кепку на уши натянет,
В ночь легучей мышью галнет,
Не оставит борозды...
И иду для песни слова —
Не слабее русского,
Что мне ветер? Я найду
Руку сторожа ночного
И скажу: «Побудем снова
В двенадцатом голю.
Расскажи мне про Дубягу,
Берестовского бродягу,
По началу кулака.
Как с гаганом-самозоводом
Он говна по огородам

Партизана Боровка:
«Я ли дупу не потешу?
На ренне своем повесу
Пролетария всех стран!
А поставит воле твоя,
С под землей заставил сына:
«Бей их с музмой, Иван!
Всех под ногти!»

«Ну и почка!
Где гора? И где река?
Где ты ходишь, бродишь, дочка
Партизана Боровка?
И занутаво в бурьянах
И поклачу:
«Ганна! Ганна!
Где ж фонарь-контгальщик твой?»
И услашу:

«Что ты, знамай?
Я же ридымком с тобой!
Я колдаа за кобылой,
За жеребой, вороной.
Кто спугнул? Спроси у ночи!
Да запомни: наш учетчик
С тем Дубягою дружила,
И недаром середь ночи
Подмигнет он приходи
На конюшню...»

А потом —
Руку в руку — да пригнесь,
Да не раз, не два споткнемся,
Спящий табор обйдем.

И скажу я: «Милый сторож,
Ты с любой погодой споришь,
Бережешь бригадный стан,
Так ответь мне без обмана:
Кто ты: дочка партизана
Иль сама ты партизан?
Говори, что провадим годом
По кулацким огородам!
Ты раскрыла столько ям,
Что на промислах авердех
Тридцать малый соломенных
Дали нашим кулакам;
Говори, что как-то ночью
Кто-то лез к тебе с дрычьем
(Может, это наш учетчик?)
Да остался не при чем;
Говори, что ты в работе,
Словно ласточка в полете,
Только в поле — нымь столбом.

Что тебе не перегонись,
А дотонись, так потонешь
В собственном поту своем.
«Говори!» А ты туда же!..
Вот побудь у нас чуток —
Все узнаешь! И расскажешь
Нам про свой палуудий док...
Знаешь, летом в Берестовке
Яга! — ешь, когда не слаб...»
Я: «А ты в своей спеловке
За котельницу сомаа б!
Вот бы мы с тобой на пару
Крылы, подсымаи жару
Нагрывальнички! Суаа

Самы прыгали бы в воду.
Ты бы первой по заводу
Вышла... Только вот беда:
Для тебя в полдотделе
В чухах место прыгалосе!
В школу летучю понают...»
Ганна: «Прваа! Вот я рада!
Знаешь, мы в любых бригадах
Будем ридымком...»
(И тут из-за тум проступит зорн).
Я: «Ты слымишь грохот моря?»
Ганна: «Каммиш гудут...»
«...и раддаста звион отвала —
И пренутси все, от мала
До велика. И пойдут, —
Слава то, что громом грийет
По над миром, то, что станет
Песней, сказкой, — в ту страну,

Где бригадный сторож ночи
Ходит, бережет весну;
Где поалуочный учетчик —
На учете; а ту страну,
Где на льдинах не застопешь,
Ждешь победы, не беда;
В ту страну, где я потогмыш
Воздуха, земля, водм;
В ту страну, где на прощанье
Я скажу не «до свиданья» —
Здравствуй, партизана дочь!
А на веках поновею
Вспыхнет ночь. Ночное поле.
Поле. Полевая ночь.

Павел Панченко.

РАСТУЩИЙ ПОЭТ

Поэтическая молодежь, к которой принадлежит Панченко, вышла из среды рабочего класса — и производственные образы и ее стихах не надуманы, не притянуты за волосы, а естественно вложены в общую систему мироощущения поэта.

Образы труда и социалистического строительства в стихах Панченко так же лиричны как известные поэтические образы любви, смерти, природы и т. д. А образы любви, смерти нам, вернее, социально-бытосмертия и т. п. в свою очередь переработаны словами в его стихах с темами трудового энтузиазма:

«Я думал: все, что сможем сами,
Мы не оставим делать тех,
Кто после нас придет. Потому,
Можк судов найда обложки,
Услабит голос мой. И вновь
Я владывала волоски жести
В тиски...»

Ощущение будущего у Панченко является как-ким-то новым физиологическим чувством:

«Я не мастер. Да. Но я полручий
Будущего. Значит, смысл згучный
Из прошлых в мире гудяют.
Я вдыхаю самый свежий воздух,
А закапши, хоть и гаснут в пещадах,
Над веками звездами горят.»

У Панченко поэтиче не существует разницы между работой и песней. Он так и пишет: «В начале песни зпмал снег». И о работе-песне он пишет с подлинной поэтической страстью:

«Скрутив згучным рукава,
Мы сами песню. Каждый вздут
В ней узнавала себя. И стук
Не унимался. Такова
Та песня трудная. Она
Как жизнь и смерть во мне живет,
Она всегда галдит вперед,
Ее поет моя страна.
Такая песня не умрет...»

Досадным являются длинноты и общие рассуждения в некоторых стихах Панченко и неузнаваемая сложность, затрудняющая восприятие его стихов. Панченко должен более внимательно изучать жизнь и творческие запросы рабочей молодежи.

Молодой, даровитый поэт в своих стихах обязан образить подлинное дело и думы новых людей. И тогда талант украшенства и общия фраз исчезнет из его работы.

А. АДАЛИС

„СРЯЧЬТЕ ДЕНЬГИ, Я ЗАПЛАЧУ“

ВРОДЕ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Может быть, и сейчас пострадало за идею.

Моя двадцать человек говорили: «Не ищи в редакции — засмеют. Импералисты к войне готовятся, в колхозах такой сапой работает классовой враг, а ты...»

И действительно, к борьбе за мир мой вопрос не отнеслся, но зато и твоей сапой отношение имеет. Хотя и опаривают во прятки эту аксиому. Да наглядности изобразу картинку.

У сверхающего под'езда кино стоит жаннерадостная парочка. Если мы приглядимся к ней, то получим, что парочка одет неславно: брюки что на коленных вытутках, суновная юбка застегнута доверху, а не выглаживает из-под нее белой вороничок.

А девушка — как раз наоборот. Из-под светосерого треугольного жакета с импералистическими пуговицами выглаживает у нее кружевная кофточка, школьная юбочка на ней с длинными хвостами, на чулках — живописные стрелки, туфли — белые с синим реиниовым ободочком.

Но будем как немцы высказываться разводит тут секретки, а прямо скажем, что парочку услышано обучается разным наукам в одном из наших техникумов, получает весьма ограниченную стипендию и живет в общежитии. Девушка же в кружевной кофточке работает химиком-лаборантом, занимается физкультурой и спортом, зарабатывает триста, и в «бухалке» ее, на татке, лежит подлинный мосторостовский ковер.

И вот эта самая девушка безразличным движением расстегивает сумочку и достает из нее червонец. Она смело выглаживает на парочку в вытутках брюках и хвосте протягивает деньги жаскире. Но тихий парочку заскрипит прыжком прибавляется к кассе и отпугивает червонцем.

«Я купую, Милочка», — говорит он душевным голосом.

После этого он собирает рубик и двугривенные по всем карманам и приобретает два билета.

На этом завеса истории опускается.

Этим самым парнем в вытутках брюках был я. Теперь брюки мои разглаживаю, белой вороничок жаннерадостно сияет на моей шее, но денег у меня попрежнему мало, вытутка же меньше чем у дородного моего химика-лаборанта. А после звуков стипендии идем мы с ней в кино, и я не позволяю ей платить за билеты.

Она хандит рядя хочет что-то сказать, быть может, протестовать, но бонит меня обидеть и прачет деньги в двустытной свой чемоданчик.

Таких ход истории.

Денег мне не жалко, и не в денгах счастье. Но иногда начинаю меня угнетать сомнения: не привыкла ли тихой сапой буржуазные чувства в мое буржуазное сердце?

Что это за такие зверские прыжки комсомольца, когда обесчещенный химик-лаборант хочет за себя заплатить?

Какими достижениями пролетарской этники можно похваляться после рыночных поступков с оплатой чужого билета? И не есть ли это аниманье и дородному моему химикку оскорблением достоинства ударной советской девушки?..

И тогда я произвел разведку среди моих друзей и знакомых.

Несмотря на все осторожные мои вопросы запалили страсти. Каждый говорил, что что все нехорошо и значаем в наше героическое время занимать ум «петрушкой» и «мураманками». И немедленно после выскопированного своего замечания все начинало погореть, и каждый готов был укунуть другого сползая за икру.

Один доказывал, что аниманье и предупредительное отношение к женщине, вопреки угроженности ее моральным, — признак культуры, осваиваемой пролетариатом.

Другой категорически отразил культуру в покупке трамвайных билетов и в уготении красом женщины. Он с такой яростью заявил: «В данной случае мы имеем отрешку буржуазного отношения к девушке. Никогда тут пролетарской культуры, а просто нетушай говор: «Смотри, мол, какне у меня прыжки прыжки».

Но, скажу откровенно, что и у меня на данном историческом отрезке имеются такие же тенденции. Гретей не соглашался ни с первым, ни со вторым. Он считал себя поларедом новой морали. Он доказывал, что парочку может платить за девушку так же как и девушка за парочку. Он назвал сползиков демагогами, забывающими о товарищеском равноправии мужчин и женщин, идушка в кино в прагающих в парке культуры и отдыха с парочком: «У всего есть, тот и платит».

«Поларед новой морали» немедленно был увличен в расхождении теории с практикой. Улички против него были столь несопорными, что он тут же признавал, что никогда не уготится до индивидуальных настроений по отношению к женщине. «Биологические и материальное мужина на данном этапе крепче женщины, а посему он должен платить».

Тогда вмешался я и привел пример с дородом своим химиком и физкультурником, получающим втрое больше денег.

После этого спор наш окончательно запутался, и мы ни до чего не договорились.

Последующие беседы мои с девушками также ни к чему хорошему не привели. Кутерьма во мненику получалась беспорядочная.

Тина Д. сообщила, что не желает вливаться в детали вопроса, но против хождения в кино и в театр не возражает, откуда бы билеты ни исходили.

Катя З. заявила, что будет считать хамством, если ее заставят платить за какие-то билеты. «Не привыкла к этому и привыкать не собираюсь» (тут же она предложила мне пойти с ней в кино, но я под благовидным предлогом отказался).

Алея Г. инаротит, настаивает на самостоятельной оплате собственным, девушекним, расходам. Причем утверждает, что всегда платит за себя сама, а если иной берет со своим ситуционным поном, она раскравдывает с ним приятное знакомство.

Кроме этих толстотиков нашлась еще одна — Зина, считающая, что такой чудовишной не стоит заниматься. Для доказательств своей мысли она предложила мне десять копеек на проезд в трамвае от ее дома до центра, но когда я сделал ей истинное предложение — снести меня в театр, она отвела уклончиво и туманно.

И хотя к борьбе за мир мой вопрос не относился, прощю «Смению» сказать свое слово в этой «червоничной» проблеме. Иначе меня угнетет сомнения: кто и есть? Человеком, осваивающей культуру в отношении к женщине, или энгом буржуазно-театяльного подлизывания к прекрасному полу?

С комсомольским приветом.
Евстигией Охмуриев (Москва).

ОТ РЕДАКЦИИ В одном из следующих номеров «Смения» будет напечатана ответ на письмо Евстигии Охмуриев.

Прочим нашим читателям предложить свои выглаживания.

У сверхающего под'езда кино стоит жаннерадостная парочка.

Значок ГТО 2-й ступени

НОРМЫ ГТО 2-Й СТУПЕНИ

ГИМНАСТИКА: волновые упражнения — 32 такта для женщин.

ПРЫЖКИ НА ЛЫЖАХ С ТРАМПИНА: мужчины—12, 10 и 8 метров.

ЗАРЯДКА: уметь составить и провести зарядку на производстве.

АТТЕСТАТ ФИЗИКУЛЬТУРНОЙ ЗРЕЛОСТИ

НЬЯНИЕ СО СТАРТА: мужчины—15, 15 и 12 метров; женщины—13, 10 и 10 метров. Приемы спасения на водах обязательны для всех.

БЕГ ПО ПЕРЕСЕЧЕННОЙ МЕСТНОСТИ: для мужчин—5 км., 20—25 лет—21 мин., 26—35 лет—22 мин.; 36—45 лет—24 мин.; для женщин—1 км., 16—25 лет—4 мин., 26—32 лет—4 мин. 30 сек.; 30—15 лет—6 мин.

ПРЫЖКИ: для мужчин первого возраста—1,40 метра, для второго—1,30 метра, для третьего—1,25 метра; для женщин—1,15 метра, 1,10, 1,05 метра.

БЕГ С ВИНТОВОЙ: для мужчин на 60 метров—12, 13 и 14 секунд; для женщин без винтовки—14, 15, 16 секунд (старт левая).

Первые яркое красивые звездочки, окруженные блеском зубчатых колец, свернувшись в Москве на торжественном вечере в Колонном зале. Омбланы значка ГТО засияли сразу во многих городах СССР: в Одессе и Архангельске, в Москве и Владивостоке, в Ленинграде и Полтавове. И вся территория нашей родины засверкала тысячами искрящихся физкультурных звезд.

Около полутора миллионов значков выдало гражданам нашей страны, полностью сданным нормам значка 1-й ступени ГТО.

В 1910 и 1911 гг. русский конькобежец Николай Струнников дважды выиграл мировое первенство по конькам. Россия два года стояла на первом месте в мире по конькобежному спорту. И в то же время русский спортсмен не знал, что такое аммиачная смазка и зрель в плавании.

В прошлом огромное большинство русских мастеров спорта совершенно случайно попадало на путь спортивной учебы. К одному подростку-саесарию попали в руки багачи в ремонт. Коньки были почищены и самолично опробованы на льду. Юноше пора выисать бега на коньках. Он скопил денег, приобрел в собственность норвежские коньки, увлек брата—и страна получила двух выдающихся спортсменов.

Случайно брошенное семья спортивного мастера случайно попадаю на плодотворную учебу, случайно, в единичных случаях, давало единичные ростки, случайно рождало чудесные плоды.

ПЛАВАНИЕ НА СКОРОСТЬ: для мужчин—400 метров—10, 11, 12 мин.; для женщин—200 метров—6 мин., 6 мин. 30 сек. и 7 мин.

ВОЕННЫЙ ГОРОДОК: для мужчин—бег на 400 метров с винтовкой, 6 препятствий для женщин—бег на 200 метров без винтовки, 4 препятствия.

Тако положение было не только в России, но во многих передовых странах, выигравших мировыми чемпионами в отдельных видах спорта.

Одни страны претендуют на мировое первенство в футбол, будут абсолютно безразличными в плавании, другие блистают на воде и стонут на площадке, третьи превозносят культуру бокса и не признают велосипода.

Но когда единичные чемпионы складываются вместе с ними терять первенство и их страны. Так, пять раз призванный чемпионом Гумберт сошел с беговой дорожки, не оставив преминков. И Финляндия тогда не свалилась в разряд второстепенных конькобежных держав.

Никто бруксаваго спорта исправно выжидают жизненные силы у лучших представителей человеческой породы ради пышного зрелища, тысячных, спортивного пошваина.

Восторженное физически развитый, внешнекультурный, политически грамотный, готовый к социалистическому труду и обороне СССР человек—это наша спортсменка, мастера Советской страны.

Когда наши мастера, воспитанные по-старинке, на узкой дорожке односторонней специальности, приступили к сдаче комплексных норм ГТО, прославленные победители прозвали их смущенно. Чемпионы велосипедиста бегать, рекордсмены иггания изумили держаться на воде! Фехтовальды одавали стометровку в 16 (!) секунд и не могли взять плавку на высоте 120 см!

Нормы комплекса 2-й ступени ГТО дадут физкультурнику аттестат физкультурной зрелости, подготовит спортсмена к овладению высотами стиля в любой спортивной Улабулельная учебная работа с десятками

ПРЫЖКИ С ВЫШКИ В ВОДУ ГОЛОВОЙ ВНИЗ: мужчины—с 5 метров (для первых двух возрастов) и с 3 метров; для женщин—с 3 и 2 метров.

лэйа, спосабныя спартсмены актэйа вымажынасць вырастаць саветскіх мас-тэрэў мiравога масшаба.

Нормы ГТО 2-й ступені трыбуют, кабiм фізкультурышнi ўмеа багата с вынавожкi, преедоедзат прапастыа военаево горада, латi в кроссе, пры-ебт. Чераз павуна на земе, с трам-ланы— в мору, с торы—аа лэжкэ. Оу дажыне умеет протй зачынальну аэжыку длыстанцыу, хорошо плават, лэждат памощу утавожащому, гресты, едэт на вэсэлодэ, заванычатэа спортсманн, умеа задыжычатэа от лэаляна. Ои дажыне быт хорошии гимнастом и по-вороншавскыи стрелы.

Поготовка к получению почетного знака научит физкультурника организовывать физкультурную работу на производстве, в доме отдыха, провести беседу на физкультурные темы, быть активистом физкультурной организации, судить в соревнованиях, делать спортивный массаж, знать военно-санитарное дело.

Зимой этого года нашу страну посетил германский ледовый хоккеист Ируктус—Москва, бывшие советские чемпионы, четыре команды Красной Армии в условиях жесточайшей зимы, ветров, льда и ростелея. Эти морозы рекордными навали спортивную учебу со знака ГТО.

Первые десять значков ГТО 2-й ступени вручили на приеме у тов. Ворошилова слушателям Военной академии им. тов. Фрунзе—т. Бельялову, Савинову, Дмитрию Мадневскому, Александру Поруцкому, Павло Тамолу, Николэу Новоланову, Сергееву Егорову, Алексею Боброву, Алексею Мяслову и Роману Андрееву.

Приказом Революционного военного совета СССР от 9 мая 1934 г. за № 77 гласит:

«Командиры РККА, первые из всех физкультурников СССР завоевавшие почетный знак ГТО 2-й ступени, не являются из ряда выходящими по своим физическим качествам людям. Они добились успеха не только, но перенапряжением сил, а систематической работой над собой, спортивной силой и большевистской настойчивостью».

Двадцать лет назад мне довелось опробовать первенство спортивного многоборья. В течение 50 дней соревнования по легкой атлетике, гирям, борьбе, велосипду, плаванию и гребку. Приз был мной выигран. На обратной стороне медали было выгравировано: «Чемпион—спортсмену Русского Спортивного Кружка, 1915 г.г. Я, естественно, гордился выигранным призом, но я носил его о дини, и он вынуждал заставить у моих друзей. На него хосса, оглагдамван мю впереване приятель».

Летом 1932 г. я получаю значок ГТО. С тех пор я его замечаюเสมอ: на куртке кондуктора трамвая, на плашке директора завода, на бляхе рабочего. Знакомый контур значка всегда вызывает во мне радостное чувство. Словно с надеждой на значикова я участвовал в одной команде интереснейшего соревнования, учаск в одной школе.

Значок обличия миланского, и вся огромная армия советских физкультурников, разбросанная на 22 миллионах квадратных километров советской земли, стала чувствовать «дядю товарища-соседа» в марширующей колонне физкультурников.

Коллективные организации выдвинули идею знака ГТО. Многие тысячи молодых пролетариев носят значок ГТО 1-й ступени. Вперед—высшая ступень—физкультурная зрелость.

СТРЕЛБА И ВОЕННЫЕ ЗНАНИЯ. Вооруженный снайпер. Женщины — допозволенные знания медиконои или мужской корва военных значки ГТО 1-й ступени

ИГРЫ: для мужчин одна из следующих игр: футбол, баскетбол, хоккей, водное поло, волейбол, теннис, гольф; для женщины одна из следующих игр: хоккей, волейбол, теннис, баскетбол, водное поло

ВОЕННЫЙ ПОХОД: для мужчин—35 км за 8 часов; женщины—25 км за 6 часов

МЕТАНИЕ ГРАНАТЫ: для мужчин—40, 37 и 35 метров.

САМОЗАЩИТА: для мужчин—одни из видов самозащиты: бокс, борьба, джудо, дзюдо, дзюдо-до, дзюдо-карате, каратэ, рюкю, для женщин—значие приемов дзюдо-до

ВЕЛОПРОСЬ: мужчины—20 км—1 час, 1 час 10 мин., 1 ч. 20 мин.; женщины—10 км—40, 43 45 мин.

ЛЫЖИ: мужчины—50 км—2 час, 10 мин., 2 час, 15 м.; 4 час, 20 мин.; женщины—5 км—38, 38 и 40 мин.; ЛЫЖИНЫЙ ПОХОД: мужчины—50 км за 8 час; женщины—20 км в 6 час

ГИМНАСТИКА НА СНАРДАХ ДЛЯ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН: кулбит, виселеп, брусья.

ПОХОД

...Мы строимся. Идем. Противога. Лопатка. Снатка. Фляга с бормочущей водой: нашь путь лаке. Две роты на день покидают лагерь—воздушный из ткани городок. Он спит, одетыйи шировой глаго...

Под шорох ног и веток мерный треск лужайки, сотворенную плавою, мы оставаем таме и входим в лес.

Мы входим в строй сосны высовотываебый. В переносе сосен—пшина и мир. Не потону ли леск команду командир? Товарищ Тамберг, вводной командир! Стоят диваны деревьев мирных.

Стоят, ашь гиредка трещит: тыш-рады, не знающие комалим сентимля, шуметь деревьями не запретишь.. Мы лес прохлелим быстро, как по карте. Тиха разведа утренних ветров. Синет воздух.

Наши авангарды уже видны. Уже светлым-света, уже струится безаза рассвета. Уже сапа звезла— ориентир. Но нас ведет дорожно разведак товарищ Тамберг, вводной командир...

* * *

Варшавем пыль ногами. Вывод за ввоздом. Она как туча виснет над походом. Она шагает с нами. Шаг за шагом. Ложбиной, вазорем, лесом и оврагом. Она ламвет заветно адымово— в и эту пыль мы входим с головою.. А палиа плажное поу гимнастерки выдмаете...

Мы флягу вторых обритуаеме в палиа На губах шипит вода...

И вновь идем. Натереть серпантест в походами сапогах... Учытэе ноги вкручиват в протекти: водить боев стальные ступбй—танки; носить адышевй вещевой мешок; простраство мять и нажыкатэа курок; в нестовах походах глатэа устаеда, устаеда, приставую в пути... лати, лати, лати— ведь нам осталось пэлаючие пать нестэх пройти! И мы идем. Каубите пар на теле. И не спонии кажутэа шагн. И мы поем, «как нас побить хотелн, как нас побить пытаксн враг...»

Блестает зной. Мы знатно протопали. Устаа пыль... Шагают сапоги.

Цена 50 коп.

Здесь был лагерь Шмидта
Эскимос из селения Кола / у
Кольского залива / отыскива-
ет по глобусу местонахожде-
ние лагеря Челюскинцев
фото А. Левитана